

Александр Чернов

ОГНЕННАЯ КУПЕЛЬ ШАНТУНГА

ВОЕННАЯ ФАНТАСТИКА

Военная фантастика (АСТ)

Александр Чернов

Огненная купель Шантунга

«Издательство АСТ»

2022

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Чернов А. Б.

Огненная купель Шантунга / А. Б. Чернов — «Издательство АСТ», 2022 — (Военная фантастика (АСТ))

ISBN 978-5-17-151420-4

Линейный морской бой современного флота. Армагеддон наяву... Там, в море у Шантунга, он почувствовал вдруг нечто иррациональное, нереальное и поистине мистическое. Это было то чувство, что рано или поздно приходит к каждому настоящему моряку: чувство своей полной принадлежности тому стальному колоссу, на котором ты вышел в море. Принадлежности такой же, как и у любой заклепки, листа брони или орудийного прицела. Словно и не ты вовсе, не те, кто тебя окружают, что-то делают, командуют, стреляют, бросают уголь на колосники, есть одушевленные индивидуумы... Нет! Это все одно. И ты, и все люди вокруг, и эти пушки, и весь корабль – это единое целое, одно живое, целеустремленное существо, одна общая душа, русский броненосец «Петропавловск», бьющийся с врагами твоей Родины в далеком от нее морском просторе, бьющийся, чтобы победить или умереть за веру, государя и Отечество, за други своя.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-151420-4

© Чернов А. Б., 2022
© Издательство АСТ, 2022

Содержание

Пролог	6
Глава 1	14
Глава 2	34
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Александр Борисович Чернов

Огненная купель Шантунга

© Александр Чернов, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

Ремейк книг Г. Б. Дойникова «„Варягъ“ – победитель» и «Все по местам! Возвращение „Варяга“».

На основе оригинального таймлайна Мир «Варяга»-победителя–2 (МПВ-2).

Больше «Варягов»! Хороших и разных!
Г. Б. Дойников

Пролог

Русско-японская война: расчет или просчет японского правительства

Издание «Вашингтон-пост». Интервью американского журналиста Джека Лондона, взятое им у капитана 1-го ранга великого князя Кирилла Владимировича 24 ноября 1904 года в городе Дальний.

Примечание редактора журнала «Нива»: великий князь Кирилл Владимирович поставил господину Джеку Лондону неперемное условие, что данное интервью будет опубликовано не только в американских, но и в ведущих европейских газетах. Впрочем, интерес к публикации был таков, что поставь Кирилл Владимирович прямо противоположенное условие, интервью все равно перепечатали бы все крупные мировые газеты.

– Добрый вечер, ваше императорское высочество!

– Здравствуйте, мистер Лондон. Но я вас поправлю: давайте условимся, здесь нет великого князя Романова. Перед вами – капитан 1-го ранга российского Императорского флота. Договорились?

– О'кей. Итак, господин капитан 1-го ранга, каково ваше мнение о военном положении России и Японии в настоящее время?

– В войне наступил перелом. Теперь каждый день приближает неминуемое поражение Страны восходящего солнца.

– Возможно, не все наши читатели представляют себе ситуацию на Дальнем Востоке. Не могли бы вы объяснить для них текущее положение, не прибегая к специфическим терминам?

– Охотно. Начну с того, что Российская империя четверть века не участвовала в крупных военных конфликтах. Мудрое правление императора Александра Третьего, величаемого в нашем народе миротворцем, избавило его подданных от ужасов войны и вызвало бурный рост экономики. Между тем война и военная наука за эту четверть века сделали большие шаги вперед. Но уставы российской армии и флота были созданы, опираясь на опыт войны 1877–1878 годов и изучение войн, которые вели другие страны в тот период. К сожалению, они пока еще не учитывают опыт войн нового времени, в частности японо-китайской, испано-американской и англо-бурской.

Русский флот не вел эскадренных боев со времен Ушакова. Сожжение турецкой эскадры у Синопа – отнюдь не классический линейный бой. Но уже тогда стало ясно, что пар победит парус и прогресс в военном деле изменит морскую войну кардинально.

В отличие от нас, наш противник, проведя ряд сражений с Китаем, набрался бесценного опыта современного морского боя. Почти весь флот Японии построен на британских верфях, и зачастую его суда превосходят по боевым возможностям аналогичные корабли, принятые на вооружение Ройял Нэйви. По мнению британских экспертов, война России с Японией должна была закончиться победой последней в течение трех, максимум пяти месяцев. Именно на это и рассчитывали Божественный Тенно, его адмиралы и генералы.

Но, несмотря на все убедительные расчеты, японцы побоялись бросить русскому флоту открытый вызов, а предпочли напасть на нашу эскадру в Порт-Артуре ночью, без объявления войны, предполагая потопить ее лучшие корабли внезапной минной атакой истребителей. Этой цели они не достигли, лишь повредили два лучших броненосца и крейсер. А утром адмирал Того бежал от Порт-Артура перед лицом вышедшей ему навстречу нашей существенно ослабленной эскадры. Затем начались неоднократные попытки закупорить наши суда в гавани с помощью затопления в узком проходе, ведущем в нее, пароходов-брандеров, а позже даже старого броненосца.

Очевидно, что идея генерального сражения, где нужно было честно поставить на карту все, командование японского флота не прельщала. Прошел почти год. Первую его половину

мы провели в активной обороне. Наш флот преодолел последствия вероломного нападения, усилился количественно и качественно, в том числе за счет противника. Но самое главное – мы набрались боевого опыта. И состоявшиеся в один день, шестого июля, морские бои при Цугару и Бидзыво, на которые русский флот вынудил своего противника, прошли за нашим явным преимуществом.

А тот факт, что я с вами говорю в Дальнем, куда мы провели столь необходимый нашей армии конвой с подкреплениями, снарядами, вещевым и продуктовым довольствием, говорит сам за себя. Но мы не просто провели конвой с Гвардейским экспедиционным корпусом. Как вы уже знаете, в его охранении пришли эскадры адмиралов Чухнина и Руднева. Русский флот собрал все силы в единый кулак, чем достиг количественного и качественного превосходства над Соединенным флотом адмирала Того. Подавляющего преимущества! Мы не позволили уничтожить наши эскадры по частям. И теперь разгром Японии неизбежен.

– Вы говорите о победах в обоих сражениях, однако, как стало известно, в бою при Цугару Владивостокская эскадра получила более серьезные повреждения, чем крейсера адмирала Камимуры. И хотя в битве при Бидзыво броненосец «Фудзи» был потоплен, он самый старый из японских кораблей первой и второй эскадр. Кроме того, русский флот в результате этого боя сократился на три броненосца, которые вы не могли ввести в строй три месяца, впрочем, насколько я знаю, один полностью не отремонтирован до сих пор. – Начнем с Цугару. Как вы знаете, бой закончился тем, что «менее пострадавшая», по словам английских наблюдателей, японская эскадра направилась в Сасебо на длительный ремонт. А русские крейсера провели ряд набеговых операций в территориальных водах Японии и Кореи. Почему-то при полном попустительстве японского флота. Кстати, при Цугару был потоплен первоклассный японский бронепалубный крейсер, не забывайте про этот факт. На мой взгляд, он ясно показывает, кто на самом деле победил. Полагаю, со мной вполне согласны японские купцы и промышленники, крайне негативно выразившие свое отношение к «успехам» адмирала Камимуры¹. Вы верите, что адмиралу-победителю его благодарные сограждане сожгли бы дом? Об этом инциденте, кстати, писали и американские газеты.

Судя по действиям Соединенного флота, задача Японии состояла в том, чтобы разгромить российский флот немедленно, в начале войны. В идеале – по частям. В противном случае мы подводим подкрепления с Балтики, а затем уничтожаем сначала японский флот, а потом добиваемся капитуляции японской армии. С минимальными потерями и максимальным эффектом. Так вот: мы сегодня беседуем с вами в момент, когда подкрепления эти в Порт-Артур прибыли.

Не имея возможности разбить нашу порт-артурскую эскадру в морском сражении, после удачного затопления брандера в проходе у Тигрового полуострова, Япония сделала ставку на захват Порт-Артура с суши. С этой целью на рейд Бидзыво вновь, как и в войне с Китаем, были переброшены крупные пехотные силы и тяжелая артиллерия.

Если бы эти войска немедленно, во всеоружии оказались под Порт-Артуром, Япония получила бы реальный шанс уничтожить наши корабли на рейде огнем осадных гаубиц и, возможно, взять крепость. Это высвободило бы более пятидесяти тысяч ее отборных штыков, которые немедленно были бы развернуты против русских войск в Маньчжурии. Однако нам ценой огромных усилий удалось достаточно быстро избавиться от блокирующего фарватер затопленного японского броненосца-брандера, и командующий Соединенным флотом этого не знал. Своим выходом наша эскадра застала его врасплох.

¹ В нашей истории дом Камимуры Хикондзе сожгла разъяренная толпа японцев, недовольных его «успехами» по поимке русских владивостокских крейсеров и отказом адмирала от сэппуку по столь очевидному для истинного самурая поводу. Ожидать другой реакции в результате проведенного вничью сражения, после которого русские крейсера обстреляли несколько японских портов, было бы странно.

При Бидзыво перед адмиралом Макаровым встал выбор: бросить все свои силы против четырех броненосцев Того, позволив транспортам противника с вооружением и боеприпасами уйти за минные поля у Эллиотов или бежать к Чемульпо, или отогнав линейные силы противника, нанести удар по транспортным судам. Наш командующий выбрал второй вариант, понимая, что главная опасность для всей кампании сейчас в количественном и качественном усилении японской армии на Ляодуне. Кроме того, средний эскадренный ход линейных отрядов японцев был выше, чем у порт-артурской эскадры, и, если бы ее броненосцы погнались за кораблями Того, это могло вылиться в итог, соответствующий русской пословице: за двумя зайцами погонишься – ни одного не поймаешь.

В бою у островов Эллиота нами было уничтожено или захвачено более двух десятков пароходов с войсками и военными грузами. Новых судов японцам быстро взять пока негде. Им теперь нужно думать не об усилении армии на континенте, а о возможностях для снабжения уже высаженных войск, которые явно недостаточны. Это ли не победа? Срыв далеко идущих стратегических замыслов неприятеля, а не лишний красный вымпел по возвращении в порт.

– Вы сказали «красный вымпел». Поясните, пожалуйста, смысл этого выражения.

– Вскоре после начала крейсерских операций у нас появилась традиция: по возвращении во Владивосток после успешного похода, в котором были потоплены или взяты вражеские суда с грузами, корабль несет на фок-мачте вымпелы: по одному вымпелу красного цвета за военный корабль и белого – за транспорт...

Но я не закончил о бое у Бидзыво. Наша массированная атака на транспорты вылилась в то, что Того пришлось отчаянно рисковать своими броненосцами, крейсерами и минными флотилиями, пытаясь выиграть несколько десятков минут для их капитанов, чтобы дать им возможность хотя бы выброситься на берег. Этим он спас жизни тысячам японских солдат. Потеря «Фудзи», «Оттовы» и десятка больших и малых миноносцев была той ценой, которой этот риск был оплачен.

– Каково Ваше мнение, как профессионала, о японской стратегии в этой компании.

– Называя меня профессионалом, вы мне льстите. Я не занимал высоких командных должностей и до начала военных действий на Дальнем Востоке выплавал весьма малый ценз. Однако, если вопрос задан, то извольте.

Япония не простила России ревизии Симоносекского мирного договора. И решила пересмотреть результаты этого пересмотра, выведя Россию из игры силой. Такой вот невеселый каламбур... На первый взгляд ни одна сторона не могла быстро добиться полного военного разгрома другой. Все жизненно важные районы России находятся далеко на западе. Японию спасает островное положение. Наполеон был грозен на суше, но, как мы знаем, так и не смог преодолеть двадцать миль Ла-Манша, которыми владел британский флот.

Сознавая, что ахиллесовой пятой России является огромное расстояние, которое нужно преодолеть ее армиям по пути на восток, плюс незаконченность Великого Сибирского пути, отставание в выполнении кораблестроительной программы «Для нужд Дальнего Востока» и невозможность из-за казуистики Берлинского трактата переброски сил Черноморского флота, Японский Генштаб разработал план быстрой войны, преимущество в которой достигается за счет внезапного первого удара. Исход ее во многом должен был решиться на море.

Но нападение неоднократно откладывалось из-за стремления Японии максимально усилить свой флот. В частности, перекупленными у Аргентины итальянскими броненосными крейсерами типа «Гарибальди». Чтобы не начинать с нарушения норм международного права слишком явно, нота о разрыве отношений была вручена нашему государю только после того, как «Кассуга» и «Ниссин» под эскортом британского крейсера прошли Сингапур.

По разработанному в Токио плану, первый удар наносился по Порт-Артурской эскадре. Как я уже говорил, ночью, внезапно, ее должны были атаковать миноносцы, а явившиеся на рассвете главные силы Того добить корабли Старка, уничтожая или тяжело повреждая *все* бро-

неносцы 1-й эскадры. Затем следовал бы захват Порт-Артура совместными ударами с моря и суши. Все это должно было быть сделано в течение четырех-шести недель, и к моменту вскрытия ото льда бухты Владивостока японский флот становился валентен и наносил удар по Владивостокскому отряду крейсеров.

Тем временем японская армия, имея короткие морские коммуникации с метрополией и несколько десятков крупных транспортных судов, быстро нарастив трехкратный численный перевес над русскими войсками, должна была занять Маньчжурию и перерезать линию КВЖД. К концу весны, опять-таки одновременно с моря и суши, Владивосток можно было захватить и высадить десант на Сахалин.

Не имея баз на Дальнем Востоке, балтийские эскадры вынуждены были бы вернуться: участие Берлина или Парижа в войне на стороне России исключалось из-за согласованной антироссийской позиции Лондона и Вашингтона, и ни Циндао, ни Сайгон наши корабли использовать не могли. Далее при посредничестве Британии и САСШ японцам можно было начинать мирные переговоры. В итоге которых их территориальные приобретения были бы закреплены, а с кредиторами можно было расплатиться концессиями в Корее, Маньчжурии и на Сахалине.

– Я вас прерву, простите, Кирилл Владимирович. Но если вы так свободно и уверенно судите о планах японцев, так что же? Получается, у России есть шпионы в главных штабах в Токио?

– Могу лишь сказать, что с информацией о стратегических замыслах противника я был подробно ознакомлен по прибытии на Дальний Восток в штабе ВОКа. В принципе, эти резоны ведения войны для Японии в российских газетах еще весной печатали, и владивостокцы в чайных до хрипоты обсуждали: гениальность это или безумие? И, судя по всему, рациональное зерно у японцев было. Но как говаривал великий Суворов: «Задумано с умом, да без ума сделано». Причем, на мой взгляд, приведет к поражению нашего врага успешная прежняя война и блистательная в ней победа.

– Поясните, пожалуйста, это ваше утверждение. Я не вполне понимаю, как победа может привести к поражению?

– Война между Китаем и Японией в 1894–1895 годах проходила при безусловном тотальном техническом превосходстве Японии. Я видел в Порт-Артуре древние бронзовые пушки восемнадцатого века, заряжающиеся с дула, которые Китай использовал не только на береговых батареях, но даже и на некоторых своих боевых судах. В то время, как главные силы японского флота стояли в строю не более шести лет и имели на вооружении современные скорострельные орудия. В такой ситуации мелкие и даже некоторые более серьезные ошибки и просчеты командования японского флота оставались незамеченными. И затем благополучно были перенесены в новую кампанию с новым противником. Генералы и адмиралы всегда готовятся к прошлой войне...

Планируя столкновение с нами, японский генеральный морской штаб на подсознательном уровне считал, что противник будет хуже подготовлен и мотивирован, а сами японцы впитали последний английский опыт и достижения. А в Британии, как известно, довольно высокомерно отзываются о возможностях нашего флота. Поэтому японские адмиралы вновь ожидали встречи с плохо вооруженным и недостаточно обученным противником, имеющим посредственного уровня командование. Принципы эти являлись основой их плана кампании. Теперь же выяснилось, что дело обстоит несколько иначе, и адмиралы микадо получили свой кошмар – войну против численно превосходящего противника и на его условиях.

Я уже упоминал, что в последний месяц Тихоокеанский флот России провел тщательно скоординированную операцию на всем театре войны, всеми своими наличными силами. Такого не знает история войн на море! В итоге этой операции в Порт-Артуре собраны силы, способные наголову разгромить соединенные эскадры Того и Камимур, а для обороны крепости

прибыли русские гвардейские полки. Поэтому теперь либо армия генерала Ноги будет вскоре отрезана от баз снабжения, окружена и истреблена, либо откатится от Квантуна.

Мы, кроме того, еще и нанесли жесточайший удар по морской торговле с Японией, я имею в виду крейсерские операции. Вы – американец и хорошо понимаете, о чем я говорю. И что смог противопоставить этому японский флот? Пока ничего вразумительного. Вдобавок война ведется микадо в кредит. В случае проигрыша Японии грозит банкротство и внешнее управление. А вольное обращение с нормами международного права в начале войны и вовсе ставит перед Страной восходящего солнца перспективу быть навсегда изгнанной из круга мировых держав.

– Под нарушением норм международного права вы имеете в виду предысторию боя в Чемульпо или нападение на Порт-Артур без объявления войны?

– Оба названных вами эпизода, естественно. Сами посудите, каково это: высаживать десант в нейтральном порту и блокировать там наши стационары силами эскадры *до* объявления войны, после чего требовать их безусловной сдачи под угрозой расстрела на нейтральном рейде. Так же как и открытие огня до истечения срока ультиматума, чтобы на кораблях противника быстрее думали и сдавались. Привычка вести бой с нерешительным противником во всей красе. При том что для любого японского командира сдача в плен себя и своего корабля немыслима. А для противника почему-то считается единственно возможной...

– Что означают ваши слова о том, что Япония ведет войну в кредит?

– Китайское золото, полученное Японией в виде контрибуции, было потрачено на строительство новых броненосцев и крейсеров в Англии. Это сопровождалось выпуском ценных бумаг государственного займа, которые размещались на европейских и американских биржах. Приобретение военных грузов, как конфискованных нами у берегов Японии, так и дошедших до адресата, осуществляется путем размещения на биржах мира новых выпусков облигаций. Полтора миллиона фунтов стерлингов были выброшены на ветер, когда два броненосных крейсера типа «Гарибальди» были захвачены русским крейсером.

В долг приобретены и новые броненосцы. Весьма, кстати, скользким путем попавшие в Японию из Британии, в обход запрета продажи оружия воюющей стране. Попавшие не напрямую, а через жадные посреднические руки, так что цена фактически удвоилась. Сейчас, кстати говоря, появилась информация о планах Японии приобрести боевые корабли в Южной Америке. Но чем и как она будет расплачиваться? Японская империя и так уже должна мировому капиталу очень большие деньги. И при любом исходе войны эти деньги с нее взыщут.

Микадо, вернее сказать, его советники, оказались в положении азартного картежника, поставившего на кон последнее. Проигрыш для них – политическая смерть. Или, возможно, даже физическая, если учитывать самурайские традиции. Причем проигрыш в данной ситуации означает как военное поражение, так и простое затягивание военных действий. Макиавелли, кажется, говорил или Наполеон, что для ведения войны нужны три вещи: «во-первых, деньги, во-вторых, деньги и, в-третьих, опять-таки деньги».

А денег у Японии сегодня практически нет. За прошедшее с начала боевых действий время японские ценные бумаги на мировых биржах подешевели на треть. То есть мы видим нарастающее падение доверия инвесторов. Сейчас облигации японских займов находятся в неустойчивом равновесии и готовы рухнуть при первой возможности...

Япония использовала свой шанс. Но проиграла.

– Каковы, на ваш взгляд, будут условия мирного договора между Россией и Японией?

– Лично я полагаю, что если война не затянется и в Токио возобладает голос разума, то достаточно мягкими на взгляд незаинтересованного наблюдателя и обоюдовыгодными для обеих империй. Конечно, речь теперь уже не может идти о выполнении главного желания микадо. Крепость Порт-Артур, захваченная японскими войсками в последней войне, но в итоге всех политических перипетий переданная в аренду России, так российской и останется.

Притом что как база она не представляет особенной ценности для русского флота. Уязвимость узкого и длинного входного фарватера вполне очевидна. Теоретически Порт-Артур можно было бы передать Токио. Естественно, взамен Россия получила бы от Японии или при ее посредничестве другой незамерзающий порт, который нам можно было бы использовать как передовую базу Тихоокеанского флота. Но... Если бы не кровь русских солдат, матросов и офицеров, пролитая при его обороне. Теперь уступить японцам крепость Порт-Артур для России абсолютно немыслимо, при всей его неоднозначной ценности.

С другой стороны, нет и не может быть речи о каких-либо ограничениях, налагаемых на Страну восходящего солнца Россией. Нам нет необходимости тормозить развитие Японии, ее армии или флота. Но вот расходы России на содержание японских военнопленных должны быть, безусловно, компенсированы. Должны быть компенсированы и военные расходы моей Родины: в конце концов, войну эту начинали не мы. Золотом, долями в промышленности либо иными средствами. О конкретике мирного договора будут договариваться дипломаты и юристы под присмотром императоров, но, на мой взгляд, влияние Японии в Корее южнее Ялу может быть увеличено. При условии, что Россия получит впредь в лице Японии не врага, но доброго соседа или даже союзника.

– Вы считаете возможным говорить о перспективах союза с Японией после столь вероломного нападения на вашу страну?

– После войны 1878 года Британия и Франция под угрозой открытого выступления заставили Россию отказаться практически от всех условий Сан-Стефанского мира. Более того, в настоящее время Англия снабжает Японию оружием, боеприпасами, снаряжением и тому подобным. Броненосцы Японии через пятые руки продает. И при этом надеется, что Россия – потенциальный союзник, что в случае очередной большой войны в Европе русские солдаты будут умирать за британские интересы. Такова большая политика... Мне, как офицеру и дворянину, трудно мыслить подобными категориями: интерес, выгода, брак по расчету.

Япония, по крайней мере, честно воюет за свои интересы сама, за что уже достойна уважения. Верите, у офицеров нашего флота, до войны ходивших в Японию, нет к японцам особой обиды или стойкой внутренней вражды, даже сейчас. Скорее, они злы на наших же русских дипломатов и чиновников, которые не смогли предотвратить эту совершенно не нужную нам войну. И как вы должны понимать, это не только мнение морского офицерства. Достаточно громкие отставки таких фигур, как господа Витте, Ламсдорф, Авелан, Куропаткин, говорят о многом, не правда ли?

– Означают ли ваши слова, что отношения между Россией и Англией претерпят изменения?

– Я не политик, а военный. И как военный я высказал свое *личное* мнение. Это же относится и к условиям мирного договора с Японией, окончательное решение будет приниматься на переговорах на высшем уровне. По поводу же Британии...

Лично я прекрасно отношусь к Англии и к англичанам. Это великий народ. Но выражение «коварный Альбион» появилось не на пустом месте. Считаю, что отношения между Россией и Японией – внутреннее дело Российской и Японской империй. Мы разберемся сами, без помощи посредников, заботящихся в первую очередь о своих интересах, прикрываясь стеланиями о народе, его правах, свободах и некой абстрактной законности. Причем о законе вспоминают, лишь когда требуется выполнение выгодных именно им обязательств. Иначе внезапно возникают «дополнительные обстоятельства, требующие пересмотра сложившейся ситуации...»

Давайте больше не будем говорить о политике. Как мне недавно сказал наш общий с вами знакомый, Ржевский, «лучше я вляпаюсь в навоз, чем в политику». Жаль, не могу себе позволить такого отношения. – Простите за нескромный вопрос, но надеюсь, что вы сделаете скидку на мою работу журналиста... Вы высказали жесткую позицию относительно взаимоотношений

России и Великобритании. Но, судя по публикациям европейских газет, ваше сердце принадлежит некой особе британских королевских кровей. Как ваша избранница воспринимает...

– Мистер Лондон! Вынужден прервать вас, поскольку это сугубо личный вопрос. К оговоренной нами заранее теме беседы это отношения не имеет. Могу лишь добавить, что, если его величество император Николай Александрович даст согласие на мой брак с избранницей моего сердца, она незамедлительно примет православие, став самой верной подданной его императорского величества. И давайте этой теме более мы не будем касаться.

Что же касается лично моего отношения к Великобритании вообще, то я считаю, что, если в Лондоне перестанут смотреть на Россию в основном как на конкурента и противника, нормализация наших отношений произойдет очень быстро. И к обоюдной выгоде. Да, у наших стран накопились определенные обиды, недоверие. Но я ни в коем случае не считаю англичан врагами и искренне надеюсь, что до вооруженного противостояния между нами больше не дойдет. Россия с устойчивой валютой, огромными природными и человеческими ресурсами находится сегодня на старте перед очередным этапом промышленного рывка, и я возьму на себя смелость посоветовать господам промышленникам и финансистам Англии активнее участвовать в различных проектах в моей стране. В противном случае они рискуют потерять долю на самом перспективном мировом рынке ближайших десятилетий. Свято место пусто не бывает, кто не успел – тот опоздал.

– Ок. Извините... Почему вы, капитан первого ранга, не командуете броненосцем, а занимаете на редкость хлопотную должность старшего офицера бронепалубного крейсера?

– Во-первых, как я уже сказал, существенная часть моей службы прошла на берегу. Есть требования военно-морского ценза, опыта командования современным боевым кораблем у меня нет. Поэтому я и был назначен на должность, на которой могу принести максимальную пользу России в этой войне. Я считаю, что пользу Отечеству можно и должно приносить в любом месте, должности и звании. Как офицер, я знаю, что не могу научиться командовать, не научившись подчиняться.

Во-вторых, я человек военный и не имею привычки обсуждать причины тех или иных решений моих командиров. В-третьих, мой корабль – это не просто крейсер первого ранга. За мужество и героизм, проявленные всем его экипажем в бою при Чемульпо, «Варяг» удостоен права нести кормовой Георгиевский флаг! Защищать Родину на таком корабле – высочайшая честь. И я горжусь тем, что меня признали достойным ее. Если на нашем крейсере завтра откроется вакансия мичмана, то на нее выстроится очередь, как лейтенантов, так и капитанов второго ранга...

Пользуясь случаем, хочу поблагодарить в вашем лице, мистер Лондон, инженеров и специалистов верфи Чарльза Крампа в Филадельфии и его самого за этот великолепный крейсер. А также за броненосец «Ретвизан», который, как вы знаете, также весьма успешно сражается в составе Тихоокеанского флота. Этот корабль выдержал подрыв миной во время первого нападения японцев на нашу эскадру, а затем прекрасно показал себя в ночных сражениях с брондерами и в бою у Эллиотов.

И еще один момент. Конечно, критиковать в прессе решения вышестоящего начальства предосудительно, а в военное время тем более недопустимо. Однако же все-таки выскажусь о наболевшем. На мой взгляд, отказ нашего морского ведомства от расширения сотрудничества с мистером Крампом был ошибкой. Как и уклон в нашем кораблестроении на копирование французских образцов. Я ничуть не умаляю боевых достоинств кораблей французского типа. Однако их общая строительная трудоемкость, а следовательно, и время постройки, существенно выше, чем у британских, североамериканских или германских аналогов. В этом одна из важнейших причин того, что эта война вообще была развязана. Если бы наша программа военного кораблестроения «Для нужд Дальнего Востока» была выполнена в срок и в полном

объеме, японцы просто не решились бы напасть. Это серьезный урок, и, полагаю, выводы из него будут сделаны правильные.

– Ваши дальнейшие планы?

– Сделать все возможное, чтобы моя страна как можно быстрее и с наименьшими для себя потерями выиграла эту войну, после чего продолжать служить ей так, как того требуют долг и офицерская честь. За сим прошу прощения, скоро моя вахта, мне пора возвращаться на крейсер. До свидания.

– До встречи, и удачи вам, товарищ великий князь! И... если возможно, могу ли я попросить себе место на одном из русских кораблей в предстоящем генеральном сражении?

– Попросить, конечно, вы можете. Но, к сожалению, ответ на этот вопрос уже не в моей компетенции. Хотя, не сомневайтесь, просьбу вашу я обязательно передам контр-адмиралу Рудневу. Полагаю, что на своем уровне он вправе принять решение.

Что же касается генерального сражения, боюсь вас огорчить, но я сомневаюсь, что оно состоится. Сейчас у адмирала Того слишком призрачные шансы на успех в нем. Полагаю, роли поменялись. Теперь, скорее, наш флот будет сторожить выход японцев из их базы.

За сим позвольте проститься. Честь имею!

Глава 1

Призрак лебяжьей канавки

Санкт-Петербург, Лондон Осень – зима 1904 года

– Оленька! Милая моя, что с тобой! Проснись, проснись скорей! Сон плохой? – Вадика выбросило из сладкой дремы от полного ужаса сдавленного вскрика и стонов любимой.

– Господи... Вадик... Слава богу! Мы живы...

– Ну конечно, дорогая моя, не плачь. Конечно, живы. Давай-ка я тебя обниму... Ну, все хорошо? Просто приснилось, да? Давай-ка, лапушка, успокаивайся... Хорошая моя... Вот-а... Трясет ведь всю. Что такое ты там себе еще напридумывала, а?

– Уф-ф... Вот это да... Вадинька! Веришь, я чуть Богу душу от страха не отдала...

– Что такое увидела-то? Рассказывай.

– Сон. Теперь понимаю – сон... Но *он* приходит уже во второй раз за нами... Первый раз, когда приснился, я свечки поставила, подумала – ерунда. Но сейчас... Подожди, милый... Мне надо помолиться. А потом – расскажу...

* * *

Невзирая на намеки Дурново, увещевания более мелких чинов охраны и даже ее венценосного брата, Ольга все равно периодически сбегала вместе с Вадиком побродить по Питеру вдвоем. С одной стороны – их вела любовь. И им просто хотелось побыть вдвоем. Да и проветриться Вадиму было периодически просто необходимо, Ольга понимала это даже лучше него. С другой – их манил к себе потрясающе красивый, огромный город, который в отсутствие метрополитена казался Вадиму много больше, чем в оставленном им ХХI веке, хотя географически все было как раз наоборот.

Сколько раз уже они встречались с ним вот так: двое и *он*... Город, в котором золотой блеск и величие державного фасада Российской империи органично переплелись с неброской, чарующей красотой его парков, садов и скверов. Город, чей геометрически безупречный абрис першпектив и площадей, сплавленный воедино с мрачными, холодными гrotтами проходных дворов-колодцев, то нарочито выставляя напоказ, то пряча от сглаза, хранит в себе все главные тайны новой истории нашей страны: от дерзновенных замыслов Петра Алексеевича в смолистых стенах грубо срубленного шведского домика до привидения Инженерного замка и горячего румянца чахотки.

Город изысканного, благородного барокко и парадно-монументального классицизма дворцов, город симметрии надменно-самоуверенного модерна доходных домов, гранд-отелей и банков, город блистательного инженерного гения, застывшего в гармонии чугунно-стального кружева мостов, парящих над бездонной синевой неба, расплескавшегося в зеркалах его рек и каналов. Город безупречно подогнанных, подобно стальной броне на борту дредноута, гранитных плит, сковавших своенравную Неву и ее меньших сестер благородно-строгими линиями набережных с ошвартованными, вечно грязными, кургузыми дровяными баржами. Город ладана соборов, часовен и дивных ароматов крохотных булочных. Город театров, салонов и дефиле. Город разгульных ресторанов и прокуренных кабаков. Город суетных торжищ и горькой, безысходной нищеты папертей и ночлежек. Город угольного дыма, гула громадных заводских цехов, грохота корабельных стапелей и звенящей тишины музеев...

Этот потрясающий город завораживал обоих, и им казалось, что чем больше они вглядываются в него, тем внимательнее сам *он*, как таинственная бездна, манящая и пугающая одновременно, вглядывается в них...

* * *

Так было и в этот раз. Но в отличие от всех предыдущих, сегодня и день был особенный, и обстоятельства их побега. Это было ровно через сутки после того, как до Зимнего дошло известие о том, что эскадры Руднева и Чухнина, а с ними и «лайнерный» конвой Александра Михайловича, без потерь прорвались в Дальний, а гвардейцы Щербачева прямо с причалов решительно ударили по тылам армии генерала Ноги, обложившей Порт-Артур.

Выражаясь современным, не вполне литературным языком, движуха во дворце и вокруг него пошла еще та... Николая осаждали дядья и прочие князья, великие и не очень; графья и бароны; маман почти со всей ее собственной Минни-камарильей и фаворитом вдовствующей императрицы князем Шервашидзе во главе; генералы, гвардейские и прочие; адмиралы, министры, губернаторы, земцы, долгожители Госсовета и Сената, послы...

Но то было лишь начало! На следующее утро поднявшаяся волна подлинных и подложных восторгов, охов-ахов-вздохов и почтительных душеизлияний приняла столь угрожающие размеры, что Вадик за полдень попросту не выдержал сцен крупного подхалимажа. Николай понимающе улыбнулся и, отпуская сестру и его от себя, шепнул: «Ступайте, конечно... А нам с Алике придется это все до конца перетерпеть, тут ничего не поделаешь... Царь мы или не царь?»

До торжественной вечерни оставалось еще больше трех часов, и Вадим с Ольгой решили пройтись по Марсову полю и Летнему саду, хотя сейчас он скорее был зимним. Морозы в этом году ударили рано. И изрядно напугавшая горожан перспективой наводнения Нева неспешно отступила от Петропавловки. Кроме стремнин, она почти вся уже схватилась молодым ледком. И сейчас на него, как и на весь город, раскинувшийся по невским берегам, медленно и торжественно сыпались хлопья удивительной, почти новогодней пороши.

«Идут белые снега, как по нитке скользя...» Настроение у Вадима было лирическим. По всему Питеру, собирая народ, звонили колокольни, издали переключались заводские гудки – император повелел с размахом отпраздновать бескровную победу нашего флота и удачное вступление в дело гвардии. С подачи своего военно-морского секретаря в том числе. Как говорится: вовремя давайте народу хлеба и зрелищ! Постараться, вопреки всем потугам агитаторов, не доводить дело до актов открытого неповиновения, вроде нашего Кровавого воскресенья, хотелось не только Николаю...

* * *

Они неторопливо шли вдоль ограды, отделявшей дорожки и партеры Летнего сада от щедро припорошенной молодым снежком Лебяжьей канавки. Удивительно, но сейчас в саду почти не было гуляющих. Снежинки торжественно и чинно ложились на прически, плечи и прочие выпуклые формы мраморных богинь и нимф, на спинки и сиденья пустых скамеек, устилали пушистым белым ковром еще недавно так аккуратно подметенные аллеи...

– Слышишь, Оленька, как снег падает?

– Да... Красиво тут, правда?

– Обалденно просто! А знаешь, я вообще обожаю Питер. Причем в любое время года. Даже когда тянут с неба его бесконечные серые дожди...

Впервые попал сюда в семь лет от роду. И влюбился в него без памяти. Мама тогда таскала меня по музеям, на Исаакий, на экскурсию на катере по мостам, вернее, под мостами Невы и Фонтанки. И на «Аврору», конечно, – она стояла на вечной стоянке и тоже была музеем. Ты представь только: мальчишка, никогда не видевший моря – и вдруг на самом настоящем крейсере!.. С тех пор *там* всякий раз, когда удавалось приехать сюда, я обязательно проходил пеш-

ком весь Невский. Машин поток, автобусы, троллейбусы... Народ, туристы, все куда-то торопятся, бегут, кто в метро, вниз, кто на автобус. За четверть часа Невский от Адмиралтейства до вокзала на нем можно было проехать. А я обожал не торопясь пройти проспект пешком. И вот как-то раз дотопал я до лавры... – Тут он внезапно смолк. Но Ольга ждала продолжения:

– Ну, и... А дальше-то что?

– И решил я по некрополю походить. Даже не знаю, что меня дернуло... И совершенно случайно вышел к надгробию Романа Исидоровича Кондратенко.

– Это генерал, которого недавно в Порт-Артуре японцы чуть не убили?

– Угу. Только *там*, у нас – не «чуть»... Короче, посмотрел я на это на все. И так тошно и муторно на душе стало... Сходил, купил тряпку со щеткой, ведро, воды пару бутылок, цветы. Как мог привел полузаброшенную могилку полузабытого русского героя в божеский вид. Посидел под липами часок и двинул на вокзал. Вот в тот вечер и случилось со мной это *нечто*.

– То есть что, Вадюш?

– С того самого времени я вдруг стал чувствовать, что моя скромная персона этому городу не безразлична. Как будто Он меня вдруг увидел. И присматривается. Или рассматривает... То ли удивленно, то ли изучающе, как будто ученый блоху под микроскопом... И знаешь, очень много чего интересного после этого стало со мной вдруг происходить. Заканчивая тем, как я здесь оказался. А начиная с того, что он у меня двух красавиц увел...

– Что-о...?! Ах ты... Плут!!! Ну-ка, рассказывай, негодник, все! Сейчас же. А то я ему верю, а он, оказывается... Ух ты ж... – Ольга шутливо ткнула Вадика кулачком в бок.

– Оль, будешь смеяться, но... Дважды я привозил дам в Питер с надеждой как минимум на романтическое приключение, а может, и большее что, но... как только Он их видел, так сразу – трындец. И разбежались, как в море пароходы... Только не ревнуй, ради бога. Тебя на моем пути тогда и в проекте не было, так что... но...

– Что еще за «но»? Оно?.. Или она?

– А то, что Он мне *сказал*, что к *моей* женщине приведет меня *сам*.

– Это как так?

– Ну... Вот так. Как-то раз, в гордом одиночестве после очередного полного облома, сел я в московский поезд. Тронулись. В купе никого. Народ в вагон-ресторан намылился, а я, глядя в окно на Питер, уплывающий вдаль, задремал. Тут Он мне и шепнул на ушко две фразы: «Не ропщи, твое время не пришло. *Ее* я тебе дам *сам*». И все. Тут же и проснулся... Сна – ни в одном глазу. Хмеля – тоже. Подумал сперва – приснилось. А вот теперь смотри-ка, счастье мое, что из всей этой мистики получилось... – И Вадик слегка сжал податливую талию любимой. Рука сама собой чуть-чуть скользнула вниз... Еще немного... Забухало в висках...

– Оленька, как же я тебя люблю, Господи...

– И я тебя, мой хороший... Вадюш... А еще какие-нибудь стихи хорошие расскажи. Из будущего? Как в прошлый раз из Ахматовой, помнишь? Из ненаписанного пока? Такие стихи замечательные. Ну, пожалуйста... Или мне снова нужно тебе приказывать? – Ольга задорно рассмеялась, кокетливо стрельнув взглядом в набычившегося было Вадика. – Ну, будь же умницей, пожалуйста-а... ведь великим княгиням нельзя отказывать.

– Смотря каким. Но ладно. Уговорила... Манделыштам. Осип. И тоже про Питер.

Над желтизной правительственных зданий
Кружилась долго мутная метель.
И правовед опять садится в сани,
Широким жестом запахнув шинель.

Зимуют пароходы. На припеке
Зажглось каюты толстое стекло.

Чудовищна, как броненосец в доке,
Россия отдыхает тяжело.

А над Невой – посольства полумира,
Адмиралтейство, солнце, тишина...
И государства жесткая порфира,
Как власяница грубая, бедна.

Тяжка обуза северного сноба —
Онегина старинная тоска;
На площади Сената – вал сугроба,
Дымок костра и холодок штыка...

– Нравится? Что молчишь, радость моя?..

В ответ, как ушат ледяной воды на голову, прозвучали искаженные страхом, свистящие, едва слышные слова Ольги:

– Вадик! Там... Смотри: это *он*!

* * *

Когда с месяц назад Ольга, укутавшись в одеяло и чуть не стуча зубами от пережитого ночного кошмара, рассказывала Банщикovu подробности своего мрачного сновидения, Вадим внутренне просто отмахнулся от всякого намека на мистику. Ну, подумаешь, приснилась ерунда всякая. Ну, испугалась бедняжка. Естественно вполне. Но все это фигня, не стоит обращать внимания. Наперсток Шустовского, скорее ко мне под бок – и все пройдет.

И как доктор, и как любящий мужчина, он оказался прав. Сработало и первое, и второе. Через час Ольга сладко заснула в его объятиях, а Черный Человек из ее сна с тех пор о себе больше не напоминал...

Но сейчас он, как будто возникнув из ниоткуда там, впереди, возле угла садовой решетки, неспешно, но неотвратно шествовал им навстречу. Вадик мог побожиться: он действительно не видел, как этот незнакомец там оказался... Черное длинное пальто со стоячим меховым воротником. Высокий, худощавый, руки в карманах, надвинутая на глаза шляпа-котелок, так, что лица действительно почти не разобрать в сумерках... Ну, прямо один в один!

– Значит, говоришь, всегда оказывался перед нами и приближался, чтобы нас забрать?

– Вадюшенька, мне страшно! Пойдем же отсюда скорее, пока на ногах держусь... Прошу тебя...

– Дорогая, нет. Идем спокойно. Вперед... Это обычный человек. Из костей и мяса. Как и мы. Иди со мной рядом и ничего не бойся!

Но чем ближе надвигалась на них эта таинственная темная фигура, тем явственнее Вадик чувствовал, что был неправ. Ольга уже еле передвигала ноги, вцепившись ему в локоть и второй рукой. Хуже того: он сам начал ощущать реальный, нешуточный страх. А вдруг это не некое материализовавшееся тут потустороннее зло, а вполне реальный господин Борис Савинков собственной персоной? Выследил их! Или кто-нибудь из отморожков Красина? А у него сейчас и револьвера-то с собой нет...

И только когда почти уже поравнявшийся с ними незнакомец чуть приподнял над шевелюрой котелок и, слегка поклонившись, не глядя на Вадима, с легким европейским акцентом вежливо осведомился у Ольги: «С вами все в порядке, ваше императорское высочество? Не нужно ли помочь?» – до него дошло, кто же это. Перед ними стоял британский посол! Сэр Чарльз Гардинг собственной персоной. Ольга Александровна, наконец, тоже поняла, кто

именно нагнал на нее столько ужаса, и, медленно выходя из ступора, все еще заплетающимся от пережитого языком выдавила:

– Вы очень любезны, сэр Чарльз. Но... Благодарю вас, все хорошо... Просто вдруг чуть-чуть голова закружилась...

– Добрый день, господин Банщиков. Рад видеть и вас также. Вы ведь, без сомнения, можете Ольге Александровне добраться до дворца? Все-таки головокружение не симптом здоровья, к сожалению. Хотя тут вам, как врачу, должно быть виднее. Моя карета у входа в сад, могу предоставить ее в ваше полное распоряжение.

– Здравствовать и вам, многоуважаемый сэр Чарльз. Спасибо большое, мы вполне доберемся сами. Здесь недалеко. Не волнуйтесь, пожалуйста, просто ранняя зима, перепады атмосферного давления... Кстати. Простите за нескромный вопрос, а вы всегда приезжаете за двести метров на карете? – неловко попытался сострить Вадим.

– Нет, что вы! Это было бы слишком суетно даже для посланника его величества, любезный Михаил Лаврентьевич, – сдержанно улыбнулся англичанин. – Просто так вышло, что сегодня я срочно уезжаю в Лондон. На дорогу решил прогуляться немного. Проститься с Санкт-Петербургом. До поезда еще есть время...

– Вот как? Покидаете нас... И надолго?

– К сожалению. На родине приболела моя дражайшая супруга, и врачи рекомендуют мне обязательно прибыть. Что, если откровенно, совсем меня не радует. Узнав о несчастном моем затруднении, его величество король Эдуард и его величество государь император Николай Александрович сооблаговостили предоставить мне две-три недели для устройства личных дел.

– Вы уезжаете через Берлин или Париж?

– Нет. Через Гельсингфорс. Мне немножко повезло. В Швеции с оказией наш крейсер. И Адмиралтейство дало согласие забрать меня в Портсмут на его борту. Корабль уже вышел из Стокгольма.

– Что ж, тогда добрый путь вам, сэр Чарльз. Скорейшего выздоровления вашей супруге, а вам – возвращения к нам, в Россию.

– Спасибо. Надеюсь, что мы вскоре обязательно встретимся. И хотя день рождения я не смогу теперь отпраздновать в Петербурге, как планировал, надеюсь, после моего возвращения мы что-нибудь придумаем. Буду весьма рад вас обоих увидеть в наших посольских стенах.

– Конечно, сэр Чарльз. Еще раз – спасибо, и счастливого вам пути...

* * *

Дикий грохот потряс, казалось, весь дом, бесперемонно вытряхивая из неги последних снов его обитателей.

– Откройте, полиция!!

За дверью молчали. Наблюдатели на улице увидели, как одно из окон третьего этажа осветилось светом свечи, там промелькнула чья-то тень. И – тишина...

Добропорядочные граждане должны были открыть дверь немедленно, как только прозвучали эти слова. Вот только добропорядочных граждан за дверью, похоже, не было. А граждане недобропорядочные открывать полиции не стали. Городовые помолотили по двери сапогами и рукоятками револьверов еще минуту. Потом начальство поняло, что в этот раз что-то пошло не так. – Ломайте! – заорал штаб-ротмистр в голубой шинели.

Двое дюжих городовых, разогнавшись, врезались в дверь. Именно так они всегда врывались в воровские притоны. Опыт подсказывал, что после подобного удара дверь вылетала чуть ли не к противоположной стенке помещения. Но... не в этот раз. Ощущение было такое, словно плечом пытались проломить скалу. После второго удара что-то хрустнуло, и один из гигантов, матерясь, схватился за плечо. Второй недоуменно захлопал ресницами:

– Так это, вашбродь, не открывается...

– Фельдфебель! Крикни, чтобы ломали черный ход!

Черный ход ломали долго. Дверь черного хода ничуть не уступала двери парадного по толщине и прочности, а из инструментов у полиции были только кулаки, шашки и рукояти револьверов. Еще через пять минут жандарма осенило:

– Степан! Найди дворника!

Распространяющий смесь чеснока и махорки дворник принес топор. Прорубив в двери отверстие, городской заорал:

– Вашбродь! Тут решетка!

Принесли кувалду. От могучих ударов с потолка сыпалась штукатурка, где-то лопались стекла и гудело в головах...

Бум! Бум! Бум!..

– Прелестно. Не надоело еще, господа? – Молодой человек в элегантном костюме, с медицинским чемоданчиком в руках укоризненно смотрел на жандарма, напоминающего мельника в своем засыпанном штукатуркой форменном прикиде.

– Господин Банщиков? – Штаб-ротмистр удивленно воззрился на костюмоношителя, которому обещал показать, «как надо арестовывать бомбистов». – Но мы же...

– Перекрыли все входы-выходы. Знаю, знаю. Но я вас перехитрил и вышел через *их* вход. И перестаньте ломать косяк. Не поможет. Сейчас я ее открою, и вы сможете посмотреть на засовы и решетки. А еще посмотрите вот на это. – Молодой человек сунул руку в саквояж и извлек оттуда... здоровенный вороненый маузер и несколько раз выпалил прямо в дверь, под аккомпанемент визгов кого-то из местных жителей.

– Там стены досками обиты, потом посмотрим, как глубоко пули в дерево вошли, – прокомментировал он удивленные взгляды городских, рассматривающих пробоины в нижней части двери, – за сим вашу тренировку по проникновению в помещение, где находятся заговорщики, объявляю законченной. Ибо они уже сбежали через потолочный лаз в квартиру этажом выше и далее через чердак крышами. Теперь давайте я *вам*, – выделил голосом укоризненно глядящий на жандармов доктор, – расскажу, как надо вламываться в квартиру, полную вооруженных и готовых к бою злоумышленников...

* * *

Неудавшийся убийца Банщикова, эсер Яша Бельгенский, почил-таки не напрасно. Террорист рассказал Вадику все, что он знал. В том числе и адрес конспиративной квартиры, где его инструктировало руководство ячейки. Все аккуратненько и цивилизованно. Никаких трупов, никаких потайных ходов и прочего, чем грешат авторы романов про Пинкертона. Обычный доходный дом на обычной улице, семь минут пешком до Невского. В этом доме братья Блюмкины не первый год снимают две квартиры.

В одной живут, а другую, этажом ниже, приспособили под фотостудию. Очень удобно. Пришел человек, заказал себе фотокарточку, или фотопортрет, или еще чего. Люди ходят постоянно, потому как фотография нужна всем, особенно если хорошая. А если кто кроме фотографий и прокламации с гектографа унесет, так оно незаметно, да и одно другому не мешает...

Проблема была в том, что брать эту парочку надо было быстро, тихо и так, чтобы братья ничего не успели уничтожить.

В принципе, жандармы дураками не были. В основном...

Вот только данный конкретный штаб-ротмистр с «редкой» фамилией Сидоров и еще более «редким» именем Иван... То ли он и вправду дурак, то ли ничему не обучен. В голове у Банщикова всплыли строки из еще не написанной в этом мире книги: «Когда в дом начали

ломиться, перед тем как уйти через черный ход, я разрядил в них магазин браунинга прямо через дверь. Стрелял не целясь, стремясь притормозить жандармов, и с удивлением узнал, что двое из них были ранены, причем один позднее скончался. В верноподданническом рвении они столпились перед дверью, хотя и знали, что мы вооружены и терять нам нечего...»

Оружие руководство ячейки партии социалистов-революционеров, естественно, имело. Как и основания отстреливаться до последнего патрона. Ибо в случае поимки им по новому «Уложению о наказаниях в военное время» грозила виселица. А вот жандармам этих субчиков нужно было брать исключительно живыми и не особо помятыми.

Собственных «групп быстрого реагирования» у жандармского отделения пока не было, а местные полицейские не годились из-за возраста и плохой реакции. Пришлось идти на поклон к командиру Лейб-гвардии атаманского казачьего полка за казаками, которым и было оказано доверие «захватить анархистов-бомбистов, собирающихся взорвать царя-батюшку за денежку аглицкую»...

* * *

Во дворе дома № 3 на Обводном канале стоял дым коромыслом. В самом прямом смысле этого выражения. По какой-то причине на чердаке загорелся всякий хлам, который всегда образуется там, где долго живут. Ринувшиеся было на тушение пожара обитатели дома обнаружили, что двери на чердак заперты, а замки безнадежно заржавели. К счастью, на пожарной каланче заметили дым и через пару минут во двор, громяхая и звоня колоколом, въехали сразу две пожарные телеги с водяными бочками, насосами и раздвижными лестницами.

Брандмейстер умело распорядился. Телеги подвели поближе к дому, опустили опоры, лестницы начали подниматься к дымящейся крыше, разматывая за собой рукава пожарных шлангов. По одному пожарному вбежало в каждый подъезд, стуча в двери квартир и требуя, чтобы жильцы немедленно выходили во двор. Вот лестницы достигли края крыши, и пожарные, таща за собой рукава, скрылись в слуховом окне. Запыхавшиеся от быстрого бега городовые встали у подъездов «всех выпускать, никого не впускать». Их коллеги замерли у черного хода. Из подъездов выбегали немногочисленные по полуденному времени жильцы, волоча с собой кошек, канареек, ежиков и прочих домашних любимцев. Последними вышли топорники, крича брандмейстеру, что дом эвакуирован.

– Все жильцы покинули объект возгорания? – спросил городской у дворника.

Тот встал на пожарную телегу, повертел головой и начал шевелить губами, загибая пальцы. В это время четверо городских на улице достали из кармана какие-то обрезки труб, дернули за свисающие веревочки и, дождавшись шипения и густого дыма, со всей молодецкой силушки швырнули полдюжины обрезков в окна квартиры на втором этаже, а еще пяток – этажом ниже.

– Аркашки Блюмкина нет, кажись! – закончил нехитрые арифметические подсчеты дворник.

– У моего брата срочная работа! – закричал Михаил Блюмкин – невысокий человечек с грустными глазами, проталкиваясь к городовому. – Он не может сейчас выйти из дома!

– Александр! – заорал брандмейстер подчиненному. – Мухой в подъезд, выведи этого работягу. Не справимся, сгорит ведь, дурень!

– Вы не понимаете! Ему надо... – начал было Михаил, но закончить не успел. Городовой, коротко глянув по сторонам и убедившись, что все, открыв рты, следят за работой пожарных²,

² Говорят, что человек может бесконечно смотреть на три вещи: как горит огонь, как бежит вода и как другие работают. В данном случае все три события имели место быть одновременно, и тот факт, что идеальным объектом для наблюдения является пожар, был блестяще подтвержден.

резко пробил ему кулаком в область сердца и, подхватив под мышки охнувшего и начавшего оседать на землю Блюмкина, со словами «Вот сейчас к доктору отведем и тебе полегчает», полуповел, полупонес находящегося на грани отключки активиста партии социалистов-революционеров к карете скорой помощи.

Тем временем посланный в подъезд пожарный, поколотив в дверь руками, ногами и даже каской, выбежал во двор и отрапортовал старшему, что «двери прочные, закрыты, никто не отвечает, а из-за них дымом тянет». Возница подтвердил, что в окне первого этажа, забранном прочными решетками, ничего не видно из-за сизого дыма. Одна из пожарных телег опустила свою лестницу до окна второго этажа, и сразу трое пожарных под крики брандмейстера «Маски! Маски не забудьте, отравитесь!» запрыгнули в окно.

Еще трое их коллег вбежали в подъезд, уперли опоры домкрата в стену рядом с дверью квартиры № 1, закрепили удлинительную штангу, уперли окованную металлом подпорку в дверь квартиры № 2 и бодро заработали рычагами³. Через какую-то минуту искореженная дверь вместе с засовом и косяком рухнула внутрь квартиры.

В подъезд повалил вонючий, едкий дым, а тройка пожарных, нацепив на лица смоченные водой плотные повязки, рванулась внутрь. Через пару минут они вернулись, неся на руках заходящегося в диком кашле второго активиста-эсера, которого тут же аккуратно и бережно поместили в карету скорой помощи...

Готовя техническое обеспечение захвата, Вадик вспомнил многое из того, что рассказывал его преподаватель об органической химии вообще и ее использовании правоохранительными органами в частности. Идеально для бескровного захвата подходил ХАФ (хлорацетофенон), слезоточивый газ, обычно используемый для разгона демонстраций. В просторечии – «черемуха». Тот же препод рассказывал, уже после занятий, как в голодном 1993 году весь их факультет зарабатывал на жизнь тем, что создавал самодельные газовые баллончики со слезоточивым газом на базе институтской лаборатории. И даже попутно расписал заинтересовавшимся студентам нехитрую, в общем-то, технологическую цепочку...

Этот эпизод привел еще и к тому, что до выхода в море из Одесского порта вспомогательного крейсера «Ингул», которому предстояло миновать Проливы под флагом Доброфлота, лучшие фармацевтические предприятия Петербурга, Киева и Одессы две недели работали в две смены. В итоге на борт парохода, в добавление к обычным бочкам с составом для постановки дымовых завес, были загружены три десятка бочек с весьма секретным и дурно пахнущим содержимым...

За кадром «пожара» на Обводном осталось то, как накануне, глубокой ночью, казаки затащили на чердак железный лист с дымошашкой, запал которой был подсоединен к будильнику, а перед возвращением аккуратно налили из масленки клея в дверные замки...

Жильцы дома остались обсуждать доблесть мужественных пожарных, а арестованных отвезли в «жандармские застенки» для приведения в нормальное состояние и последующей «разработки».

* * *

Доктор Баншиков вел светскую беседу с господином Гоцом, который все еще нервно протирал слезящиеся глаза платком.

– Итак, ваша еврейская ячейка партии социал-революционеров получила заказ на мое устранение, господин Поц. Причем, что очень интересно, именно рядовая ячейка партии, а не

³ Реальные действия преступников при взломе бронированных дверей из реального уголовного дела 1992 года. Москва, МУР.

компашка террористов, профессиональных убийц и идейных последышей господина Гершуни, которых вы, господа эсэры, в своем кругу нарекли Боевой организацией.

– Не Поц, а Гоц, я попрошу вас... И почему еврейская? У нас полно русских патриотов, малороссов, в составе Центрального комитета латыш есть, финны участвуют, поляки. Мы выше национального...

– Конечно! Вот только в руководстве все Штейны и Зоны, за исключением уника Чернова. Зато взрывать себя милашка Гершуни отправляет все больше русских студентов-недочек и дурех из «благородных девиц» с запудренными мозгами. В этом плане Яша оказался удивительным исключением. Так что кому вершки, кому корешки, это нам понятно. Хотя для конспирации фамилии поменяли бы, что ли, господин Гоц⁴ или ввели бы в бюро побольше не евреев. Но вы и до этого дорастете, если вам позволить... Хотя теперь, в этот раз, наверное, уже не позволим... А «поц» в вашем случае не фамилия, тут вы правы. Это эпитет. Ну, кто посылает на боевую акцию близорукого, как крот, исполнителя?

– Да! Мы не беззубый местечковый Бунд! На борьбу здесь встают даже больные и немощные. Ибо переполнилась чаша терпения моего народа. Почему в России, как ни год, так проходит кровавый еврейский погром? И почему это единственная страна, где есть черта оседлости? Почему для нас установлена процентная квота в институты? Вы считаете это справедливым?

Яков... Жаль парня... Но он сам просился, даже в ЦК писал! Вам должок хотел отдать. Лично я считал и считаю, что на работе в массах он был бы куда полезнее. Эх, молодость-горячность...

– Справедливости ищите? Понимаю... Но почему-то именно господа «русские» журналисты типа небезызвестного вам Жаботинского на «собранные русским народом гроши», приплывшие от Леебов да Кунов из-за океана, провоцируют своим мерзким бумагомаранием эти самые погромы. Возражать станете? Только по существу, если можно. Молчите? Правильно молчите... Черта оседлости, «кухаркины дети», говорите...

Согласен, кстати: действительно несправедливо. И также согласен, что с дискриминацией по расовому и религиозному признакам в России нужно заканчивать. Правда, не понимаю, как вы забыли о том, что эта самая «черта» в свое время спасла множество ваших предков-соплеменников от геноцида в Европе. И еще не понимаю, как мое убийство, например, могло все это исправить? Вызвать очередной еврейский погром – это да, таки могло.

Хотя и я мог бы вам напомнить, откуда именно растут ноги у всех вами перечисленных эксцессов. Если бы я, заявившись в ваш дом, вам по пять раз на дню говорил, искренне в это веря, что «я лучше вас по праву рождения», что именно я, и только я «богоизбран», что вы вообще – гой, сиречь «недочеловек, по отношению к которому мне все дозволено», как бы, интересно, вы все это терпели?..

Что тут смешного? Ну, может быть, вы и я – достаточно образованные люди, чтобы отнестись к этому с юмором, особенно если *вы* начнете шутить по этому поводу первым. Но требовать того же от темного русского мужика, который и читать-то в массе своей не умеет, – извините, не могу-с. Да и не только русского, вы же сами прекрасно знаете, что евреи преследуемы *повсюду в мире*, кроме Североамериканских Штатов. Поверьте, по сравнению с тем, что может произойти в Германии лет так через тридцать, нынешние российские погромы это так, просто сущая безделица. Там процесс будет индустриализирован, и уж в этом винить русских будет сложно.

⁴ Видный деятель партии эсеров, один из основателей, член ЦК, Абрам Рафаилович Гоц (1882–1940). В «нашей» истории в 1907-м приговорен к восьми годам каторги. После Февральской революции лидер фракции ПСР в Петросовете. Председатель ВЦИК, избранного в июле 1917 года 1-м Всероссийским съездом Советов рабочих и солдатских депутатов. В дни Октября входил в контрреволюционный «Комитет спасения Родины и революции». Один из организаторов юнкерского мятежа в Петрограде 28–29 октября 1917-го. В 1920-м за участие в борьбе против Советской власти сел, но быстро амнистирован и направлен на хозяйственную работу.

Может, все же и вы как-то этот процесс со своей стороны инициировали? И регулярно подпитываете? Помимо евреев столь же гонимой нацией в мире являются только цыгане, ну, там-то все понятно – кочуют, попрошайничают, воруют лошадей, нигде не работают... Короче – их асоциальный образ жизни раздражает. Вы понимаете намек?

– Так и что делать нам, бедным евреям, – тут Вадик не смог удержаться от ухмылки, – если власти им просто не дают нормально, по-человечески работать? Есть списки запрещенных для нас профессий, городов проживания...

– Вот прямо так-таки и не дают? Ах, отобрали доходы введением водочной монополии? Таки жестоко? Но вы умнички, не растерялись. Не к станку же или за плуг вставать! Кто контролирует в России торговлю главным продуктом экспорта, хлебом? А кто производит? Весь народ видит, что тот, кто хлебушек посеял, вырастил, собрал да обмолотил, имеет с пуда в разы меньше, чем тот, кто его всего-навсего перепродал! А кто перекупает по дешевке товар у ворот рынков, чтобы потом продать с прилавка втридорога? За такое и я бы удавил, поверьте... С образом «бедного еврея» это не очень коррелирует.

Что касается черты оседлости... Судя по результатам еврейских погромов в городах, где евреев официально быть не может, это правило все одно не работает. Хотя, если хотите знать мое мнение, все это может и должно быть отменено. И оседлость, и квоты, и прочие оскорбительные искусственные ограничения.

Но главное – я считаю, что у евреев, как и у любой другой исторически сложившейся нации, должна быть своя страна. Тогда у вашего народа будет выбор – строить свое общество, как оно вам самим видится на *своей* земле, или жить в чужом, но меняя свои идеи и принципы под выбранное место жительства. А не наоборот.

Я вот, к примеру, если перееду жить в Лос-Анджелес, в тулупе, треухе да валенках по улицам ходить не буду. А если буду настолько туп и негибок, что стану, – должен буду смириться, что надо мной все окружающие ковбои хихикают. А иногда и постреливают, до политкорректности этот мир пока не дорос... И слава богу!

Кстати. Вот вы, Абрам Рафаилович, какое именно место вы выбрали бы для создания еврейского государства?

– В этом мире, молодой человек, есть только одно место, которое любой еврей, даже самый не религиозный, признает своей родиной, – слегка обалдевший от столь оригинального монолога Гоц, которому на решение еврейского вопроса вроде было совсем наплевать, вдруг выпрямился в кресле и, кажется, начисто забыл о своем положении, – но туда нам, евреям, путь заказан уже тысячу лет. А уж о создании там своего государства, об этом даже и мечтать бесполезно... Бесполезнее даже, чем о построении, скажем, в России справедливого общества, в котором к человеку будут относиться не исходя из национальности и происхождения, а только исходя из его способностей и талантов.

– Вы не забыли добавить «исходя из его наличного капитала и капитала его семьи»? Но самое смешное – я ничего против построения такого общества не имею. Я только не хочу, чтобы во время этой стройки пришлось перебить и выгнать за кордон четверть населения страны: идея теряет смысл, в долгосрочной перспективе. Ну, а насчет еврейского государства у стен Иерусалима, – при имени этого древнего города атеист и революционер Гоц нервно вздрогнул, – в моем разумении, это совсем не так уж и невозможно. И не только в моем.

– И как вы себе *такое* представляете? Это просто бред какой-то! Фантастика!

– Напротив, любезный мой Абрам Рафаилович. Представляю себе, как нечто вполне даже реальное. В отличие от сепаратистских бредней некоторых деятелей из вашего ЦК и верхушки Бунда про некую Южно-Русскую республику со столицей в Одессе... И откуда такая местечковая ограниченность? Хотя понятно, дело в хлебе и винной монополии, своя рубашка ближе к телу, не так ли?

Но Палестина – это осуществимо. Причем, если обстоятельства сложатся удачно, в перспективе всего нескольких лет. Ну, или максимум, полутора-двух десятилетий. Открою вам один маленький секрет: через некоторое время государь намечает встречу с неким господином Герцлем. Вам ведь знакома эта фамилия? Император решил поддержать некоторые его идеи. Словом и делом...

Может, валерьяночки попросить? Нет? Хорошо, тогда продолжу.

Как вам прекрасно известно, у России есть свой интерес и давняя мечта на Востоке – проливы и Константинополь. Для овладения ими нашей империи, так или иначе, придется разобраться с Турцией. А при ее развале и разделе организация некоего государства на одном из ее осколков – дело техники и международных конгрессов. Если бы евреи боролись за это с той же энергией и одержимостью, с которой они пытаются раскачать фундамент государства российского, строя планы на создание своего государства как раз в границах вышеозначенной черты оседлости, то эта идея могла бы быть осуществлена лет так через десять-пятнадцать самое позднее...

Это при условии безоговорочной поддержки исторического движения России вашим народом, естественно. Да и погромы под это дело прекратить можно практически мгновенно.

– А погромы с чего прекратятся, где тут логика? – оторопело выдавил из себя Гоц.

– Мы, русские, народ по натуре своей жалостливый. Отношение изменится, как только начнется нормальная продуманная пропагандистская программа, что надо дать вам, бедным, обиженным всем миром евреям, их собственный дом. А заодно и хлебом торговать можно будет без их навязчивого посредничества, и квашеные огурцы с капустой на рынок спокойно возить (тут Гоц слегка поморщился). И никто им в этом не сможет помочь, кроме русского мужика, которому всего-то и надо для этого в очередной раз побить... турок, – улыбнулся Вадим. – Ну, как же можно громить того, кого сам же жалеешь? За кого ради этой жалости кровь свою готов пролить?

Но вот тут евреям придется «вернуть мяч». Ибо жалеть и помогать тем, кто желает твоей стране проиграть войну, пытается организовать финансовую блокаду, ведет пропаганду против государя, призывающего мир дать евреям возможность самим жить в своем государстве, да еще и устраивает взрывы на улицах... Это никак невозможно-с.

– То, что вы сейчас говорите, это действительно не только ваше мнение? Но и...

– После разговора с Теодором Герцлем наш государь император собирается провести встречу с несколькими уважаемыми раввинами и крупными еврейскими банкирами. Не сомневаюсь, что лидеры ПСР будут информированы об ее итогах во всех подробностях. На ней мы попытаемся разъяснить нашу позицию по еврейскому вопросу. Да, черту оседлости надо отменить. Согласен. Возможно, сразу по окончании войны император сделает это сам. Возможно, посчитает, что это уже прерогатива Думы, которая будет созвана сразу после победы.

– Парламент?! И почему, если царь так действительно решил, нужно ждать до конца войны?

– Ну, вы же умный человек, господин Гоц. Сами не догадываетесь разве?

– Нет, если честно...

– Причина-то в вас в основном. Почему такие удивленные глаза? Или вы думаете, что государь мировой империи может принимать решение под давлением банды уличных террористов? Николай Александрович не имеет права потерять лицо. Ему проще с любыми жертвами и кровью передавить вас всех, как ядовитых пауков, но не потерять достоинства в глазах остального мира. Это политически неприемлемо. Россия разворачивается на восток. И положение обязывает, как говорится. Вы меня хорошо понимаете, надеюсь?

– Вполне. Так, а что вы говорили по поводу парламента? Наша партия сможет иметь там свое представительство? Или все это «карманная лавочка» и фикция? – Нет, я не оговорился. Государь планирует созвать парламент – Государственную Думу. Только тешить себя мыслью,

что это прямой результат революционного самопожертвования и террора ни вам, ни социал-демократам не стоит. Просто императору и близкому кругу его советников и министров стало очевидно, что без серьезных изменений в политической системе России труднее будет в будущем вести экономическое соревнование с нашими противниками на мировой арене. Увы, его искренняя мечта о всеобщем мире растаяла как утренний туман после взрывов первых японских мин в Порт-Артуре. Так что ничего личного, как говорится...

Для нормальной работы Думы в стране будут создаваться новые и легализованы существующие политические партии. Если вы там поимеете свою фракцию и серьезное лобби, – чего я вам сделать уж точно не дам – мысленно добавил Вадик, – добьетесь многих своих программных целей без больших проблем. Парламентским путем, а не браунингами и бомбами. А прежними своими методами вы добьетесь только повторения судьбы вашего бомбиста – новопредставленного Якова.

Это и передайте вашим коллегам по ЦК ПСР и отморожкам из Боевой организации. Государь просит вас о «прекращении огня» до победы над Японией и выборов в Думу. Повторяю: пока еще – *просит*. Иначе получите тотальное внесудебное уничтожение всех причастных к убийствам членов вашей партии, вместе со всеми сочувствующими, и высылку семей в Сибирь. На каторгу, а не в ссылку. По законам военного времени. Хотите?.. Что-то опять непонятно, любезнейший Абрам Рафаилович?

– Но как же быть с теми ячейками, которые финансируются староверами или из-за границы? С максималистами? ЦК с ними постоянной связи не имеет... И руководство Боевой организации. Они ведь даже перед ЦК партии не отчитываются! Да еще социал-демократы, они сейчас часто работают «под нас», когда занимаются экзами, – нахмурился Гоц.

– Я бы на вашем месте нашел ее, эту самую связь. Если после их захвата ее найду я, а послание к ним не дойдет, – зловеще проговорил Вадик, – ваши головы тоже полетят. По поводу денег из-за границы... Осень – опасное время года. Вот в Париже недавно господин Троцкий поскользнулся и... под вагончик упал. В Стокгольме бывшего японского атташе в Питере, господина полковника Акаши никак не найдут. Говорят, ушел искупаться...

Что до наших староверов, найдем им конфетку. Пора уже РПЦ голову из трехсотлетней задницы вынуть и вспомнить, что мы живем в двадцатом веке! Раскол у них подзатынулся. Или они друг друга признают, или придется просто организовать для староверов новую, открытую ветвь христианства. Чем они хуже лютеран, скажем? А то многие православные батюшки без конкуренции-то вконец зажирили, как в переносном, так и в прямом...

За РСДРП тоже не беспокойтесь. С ними – отдельный разговор. А вот лидеров Бунда о том, что слышали, вполне можете проинформировать. Думаю, вам это будет попроще, чем мне.

– Не понял – как? Как я должен с кем-то связываться отсюда? Или таки что? Разве я не арестован и могу отсюда выйти?

– Конечно. Сразу после окончания нашей беседы вас освободят.

– Вы шутите? – На лице Гоца читалась смесь удивления и потрясения.

– Нет. Я вполне серьезно. Только не стоит лишних благодарностей, мы же с вами деловые люди. Только сначала, дражайший Абрам Рафаилович, ответите мне на последний на сегодня, но самый интересный для меня вопрос. Так какая же скотина настолько захотела моей смерти?

– Увы, молодой человек, хоть и у многих из нас были к вам... Э-э... некие претензии, так скажем... решение принималось исключительно Боевой организацией, а они, знаете ли...

– Он, вы хотите сказать?

– Ну, да. В общем-то, да... А откуда вы знаете, Михаил Лаврентьевич?

– Это неважно. Потом, возможно, и расскажу кое-что. Вам небезынтересное. Если из нашей сегодняшней беседы правильные выводы сделаете... Стало быть, сам Евно Фишелевич ручку к сему дельцу приложил? Я угадал?

– Да, – обреченно выдавил из себя Гоц. – Хотя, как я понимаю, он не считал ваш вопрос особо приоритетным. А мы сами-то его и не собирались форсировать. Это у Яшеньки к вам было что-то... личное.

– Ну, вы и проголосовали?

– Увы, так...

– А знаете, Абрам Рафаилович, как ни странно, я вам верю. И на прощание – маленькая просьба и серьезный совет. Передайте Виктору Михайловичу Чернову, что я очень хочу с ним переговорить. Он может инкогнито приехать в Россию, не опасаясь преследования, в любое удобное ему время. И немедленно покажите врачам своего брата. Ему срочно нужна операция на позвоночнике. Только не в Лондоне, климат там не тот. Надумаете, тотчас дайте знать. Если что – поможем. Или в Германии все организуем. Медлить с этим вам нельзя...

Кстати, метет-то сегодня весьма недурственно. Ваша шапка, шарф, варежки и шуба здесь, у охраны. Домой пойдете – не простудитесь.

* * *

В Лондоне тоже был снегопад. Тяжелый и мокрый. Северная Атлантика, в несчетный уже раз одолев защитную стену из теплых восходящих потоков Гольфстрима, дхнула своим промозглым холодом и бросила на Британские острова очередной затяжной циклон. Снег налипал на мокрых ветвях буков и платанов, разбитый в бурю, хлюпающую кашу колесами карет, кэбов и авто таял на брусчатке мостовых. В его мутной пелене прятался не только Биг-Бен и шпили Вестминстера: даже с одного берега Темзы разглядеть противоположный было трудно. Холодная, тяжелая сырость, наполнившая воздух, казалось, была способна проникнуть везде.

Но, похоже, превратности столичной погоды за окнами мало интересовали группу серьезных джентльменов, в последний вторник ноября 1904 года расположившихся возле камина в кожаных креслах и на двух таких же диванах в уютной, теплой гостиной, обставленной в раннем викторианском стиле, но без излишней роскоши. Если не считать повышенного спроса собравшихся на горячий цейлонский чай, конечно. – Джентльмены, поскольку все приглашенные прибыли, мы можем безотлагательно приступить к обсуждению ряда недавних событий в мире. И возможных последствий для Великобритании. А они, должен заметить, могут быть достаточно серьезными. Поэтому нам и пришлось попросить вас, сэр Чарльз, и вас, глубокоуважаемый лорд Керзон⁵, прибыть сюда в столь авральном режиме, как выразился любезный лорд Фишер... – Премьер-министр Великобритании Артур Бальфур приветливо кивнул послу в Санкт-Петербурге Гардингу и вице-королю Индии. – Кстати, как вы сумели так скоро добраться из Калькутты, милорд?

– Не считая недели изматывающей болтанки и того, что «Корнуолл» едва не пожег котлы, а уже в Канале мы дважды чуть было не протаранили в тумане сначала наш, а потом французский пакетботы, мое путешествие прошло прекрасно, благодарю вас, сэр Артур.

⁵ Керзон Джордж Натаниель (1859–1925) – английский политический деятель, старший сын лорда Скарсдаля (Scarsdale), член палаты общин, консерватор; убежденный империалист, выступал преимущественно по вопросам иностранной, в особенности восточной политики. В 1891–1902 годах был помощником статс-секретаря по делам Индии; в 1895-м вступил в кабинет маркиза Солсбери товарищем министра иностранных дел; в 1898-м получил титул барона Кедлестона; с 1899-го по 1905 год он был вице-королем Индии, главной угрозой для которой видел возможность российского вторжения через Афганистан и Персию. В нашей истории в 1919–1924 годах на посту министра иностранных дел стал одним из организаторов международной интервенции против РСФСР. Во время советско-польской войны в июле 1920 года направил Кремлю ноту, ультимативно потребовав остановить наступление Красной Армии по линии, рекомендованной Верховным советом Антанты в декабре 1919-го в качестве восточной границы Польши (линия Керзона). На Лозаннской конференции 1922–1923 годов добился решения вопроса о черноморских проливах, по которому причерноморские страны были лишены каких-либо особых прав. Конвенция, предусматривая демилитаризацию зоны проливов, в то же время допускала свободный проход через Босфор и Дарданеллы не только торговых, но и военных судов (с незначительными ограничениями) любой страны мира, что ставило причерноморские страны перед фактом возможности внезапного входа в Черное море флота Антанты.

– Котлы – дело наживное. И не столь горящее по времени, как те политические моменты, что нам сегодня предстоит обдумать. Надеюсь, наш многоуважаемый первый лорд за эту маленькую неприятность на нас не в обиде?

– В обиде, в обиде! – рассмеялся адмирал Фишер⁶, почти по-американски обнажив в широкой улыбке на смугловатом, даже для выходца из индийской колониальной элиты, лице два ряда великолепных, крепких зубов: долгие морские непогоды, курение и кулачные забавы юности не смогли причинить им ни малейшего ущерба. – Вы мне задолжали еще как начальнику Портсмутской базы. Обещано же было на дополнительное довольствие кочегарам? И где? Или я напраслину возвожу?

– Господи, мой дорогой адмирал, ну к чему сейчас весь этот грошовый меркантилизм? – тонко усмехнулся Бальфур.

– К тому, что хватит уже играть в одни ворота. Если Кабинет хочет от Флота гарантий безопасности империи, поймите: то, о чем я *прошу* – вовсе не пустяки и мелочи. А попросить мне скоро придется гораздо больше, чем на починку восьми котлов системы Бабкока. Собственно, это прямо вытекает из темы встречи нашего Комитета, джентльмены, если я верно понимаю то, чем чреваты для нас последние события.

– Ясное дело, что первый лорд Адмиралтейства видит всю проблему исключительно со своей военно-морской колокольни, но ведь русские успехи в этой войне нам в Индии могут аукнуться много скорее, чем Королевскому флоту. Не зря же их агенты активизировались в последнее время в Афганистане. А в Персии все обстоит и того печальнее, – принимая вызов, скрестил руки на груди вице-король Индии.

– Как говорят русские, милорд, зрите в корень. У нас на носу проблема германо-российского союза на суше и на море, плюс разворот Петербурга на запад, что автоматически означает начало драчки за проливы. И Индия тут пока останется третьей пристяжной. Хотя, конечно, вопросов в том регионе хватает. Прежде всего та же Персия. Не столько как торная дорога к вам и вашим дражайшим магараджам с их слонами, сколько как потенциально важнейший источник нефти.

Мне, кстати, до сих пор не ясно, почему многие из здесь собравшихся уважаемых джентльменов год назад постановили не поддерживать японцев в войне. Зачем тогда нужно было заключать с ними формальный союз? Чтобы показать немцам и русским нашу слабость? Еще летом можно было переломить ситуацию. Достаточно было утопить эскадру Чухнина в Красном море. Это сегодня – поздно! И мне нужно выкручиваться, как угрю на сковороде, чтобы удержать видимость двойного стандарта. А тогда, три месяца назад, было в самый раз! И двойной стандарт был бы гарантирован сам по себе. Французы не рыпнулись бы, а немцев мы, если что, отправили бы к рыбам прямо в их Кильской бухте. После чего вернули бы себе

⁶ Фишер Джон Арбетнот (1841–1920) – второй после Нельсона в плеяде великих адмиралов Британии, притом что лично ни одной значительной победы в морских баталиях не одержал. В 1853 году тринадцатилетним мальчишкой Джон, сын капитана Уильяма Фишера, адъютанта губернатора Цейлона, поступил кадетом на 84-пушечный линейный корабль «Калькутта», где заработал первое на флоте прозвище «Джек-Сорвиголова», перешедшее со временем, но еще задолго до появления известной повести Луи Буссенара, в «Капитана-Сорвиголову». Родословная его внешне безупречна, однако тайна рождения до сих пор вызывает кривотолки – ряд историков считают его матерью туземную женщину-сингалку. Без протекции, лишь своими собственными трудом, талантом и храбростью, пройдя три колониальные войны и длинную служебную лестницу, 21 октября 1904 года он становится первым морским лордом Адмиралтейства и фактически определяет всю морскую политику Великобритании. Благодаря своему ура-патриотическому максимализму, реформаторскому пылу и бескомпромиссному характеру, Джон Фишер имел как массу искренних друзей, включая короля Эдуарда VII, так и множество непримиримых врагов. Отец знаменитого «Дредноута», инициатор перехода британского флота на нефть и человек-катализатор самого громкого корпоративного скандала в истории Ройял Нэйви. Неутомимый реформатор-новатор, для кого-то Фишер останется лишь самодуром-диктатором, чей темперамент и знаменитые три «Н» – нещадно, неумолимо, непреклонно – сломали карьеру массе морских офицеров. Ошибкой Фишера считают его категорическое нежелание создавать генеральный штаб флота. Многие важнейшие решения он принимал самостоятельно, часто под предлогом спешности и неотложности. Офицеров на командные должности подбирал по принципу личной преданности, подавляя окружающих своей волей и энергией.

Гельголанд, раз и навсегда надев стальной намордник на военно-морские потуги гуннов и их самовлюбленного Атиллы.

– Господа, господа! Прошу вас, подождите, пожалуйста. При всем моем уважении к проблемам Адмиралтейства и администрации Индии, все-таки разрешите нам с глубокоуважаемыми лордом Лансдауном и сэром Хью Арнольдом-Форстером для начала обрисовать уважаемым участникам заседания положение вещей в том ключе, как это представляется Форин-офису и военному кабинету в целом.

Затем мы с вами обменяемся мнениями по срочности и приоритетам, – развел «по углам» едва не сцепившихся Керзона и как обычно заведшегося с пол-оборота Фишера премьер-министр, – смею вас заверить, джентльмены, сегодня вы услышите очень много интересного, что, возможно, поможет нам сблизить позиции по наиболее острым вопросам. И, пожалуй, мистер Кларк, сегодня мы обойдемся без стенограммы...

* * *

Расширенное заседание Комитета имперской обороны⁷ премьер-министр Великобритании распорядился созвать в течение ближайших двух недель, тотчас по прочтении полученных Кабинетом телеграфных сообщений с Дальнего Востока о прискорбном и, главное, неожиданном для многих лондонских небожителей известии. Хотя для самого Бальфура, который изначально не слишком верил в военный успех японцев, форменным громом среди ясного неба сообщение о самом неприятном событии с начала войны между Японией и Россией не стало.

Макаров ловко переиграл по очкам японского визави: несмотря на все потуги Соединенного флота и британских морских советников при штабе адмирала Того помешать им, три русские эскадры без потерь соединились в Порт-Артуре. А с учетом известных личных качеств русского командующего это событие было неприятным вдвойне. Высадка гвардейского корпуса в Дальнем, ударившего в тыл японской осадной армии, и погром торгового порта в Осаке были к этому лишь вишенками на торте.

Дальнейший «паровоз» проблем в виде катастрофического падения котировок токийских ценных бумаг, вздорожания стоимости фрахта в Японию почти вдвое, а также резкого «усыхания» очереди судовладельцев, готовых хоть что-нибудь везти туда на любых условиях, уже никого не удивил. Даже удачно провернутая операция по продаже японцам двух эскадренных броненосцев типа «Лондон» с прицепом из практически всех боеспособных чилийских и аргентинских кораблей на общем мрачном фоне ожиданий неизбежного поражения Токио не шибко радовала.

Исполненный черного пессимизма меморандум вице-короля Индии Керзона, опасаясь того, что «следующий скачок бешеного русского медведя» будет в Кашмир или Пенджаб, и заявление сменившего Селборна на посту Первого лорда Адмиралтейства импульсивного Джека Фишера, сделанное в присутствии короля Эдуарда, о том, что германский флот необходимо копенгагировать, не дожидаясь заключения германо-русского союза после победы

⁷ Комитет имперской обороны (CID) – особый совещательный орган при Кабинете Британской империи в период между англо-бурской и Второй мировой войнами. Создан по инициативе премьер-министра А. Бальфура в начале декабря 1902 года. Его постоянный состав был небольшим (председатель – премьер-министр, секретарь, министр иностранных дел, морской министр, первый морской лорд Адмиралтейства, военный министр, госсекретарь по военным делам, министр по делам колоний). Непостоянные участники персонально приглашались на конкретные заседания. Комитет отвечал за выработку общего курса и координацию действий Кабинета и руководства флота и армии в вопросах строительства вооруженных сил, военной стратегии и внешней политики. Основной формой его работы был очный «мозговой штурм» с целью разрешения той или иной проблемы приглашенной премьер-министром группой экспертов: государственных и военных деятелей, а также представителей финансовых и промышленных кругов. Комитетом для аналитической проработки отдельных вопросов и представления необходимой справочной информации создавались специальные подкомитеты (например, доклад подкомитета по иностранным шпионам в 1909 году привел к созданию MI5 и MI6).

носного возвращения на Балтику русской Армады с Тихого океана, плеснули нового масла в огонь.

И наконец, недавняя шифровка от посла Чарльза Гардинга о его встречах в Петербурге с несколькими чрезвычайно влиятельными персонами, заинтересованными в англо-русском сближении, но чего, по их собственному мнению, в сложившихся обстоятельствах можно добиться только личностными переменами на самом верху властной пирамиды.

К сожалению, подробно об этих лицах и обсуждавшихся с ними вопросах он имел возможность доложить только лично, поскольку вокруг великобританского посольства в Санкт-Петербурге сложилась такая сложная обстановка, что посол не видел возможности рассчитывать на иной, гарантированно скрытый от русской разведки способ передачи информации...

«Да, пожалуй, более неприятной повестки дня для обсуждения у нас не было за все более чем пятьдесят предыдущих заседаний. Замечательное предстоит юбилейное! Ведь как раз в эти дни нашему Комитету исполнится ровно два года... – Бальфур⁸ невесело улыбнулся своим мыслям. – И самое неприятное, что в отличие от Лансдауна, Китченера и Селборна, я-то как раз и был уверен, что японцы в одиночку не справятся с русским медведем.

Сегодня можно долго говорить, верным ли было наше решение, принятое 4 января, когда наш Комитет, обсуждая информацию Токио о том, что война с Петербургом предreshена и неизбежна, высказался за то, чтобы ни при каких обстоятельствах не выступать в поддержку японцев с открытой силой. Мнения лордов Ротшильда, Керзона и Селборна оказались в тот день решающими. Первый уверял, что Россия не сможет вынести современной войны с растянутыми коммуникациями по причине банальной нехватки финансовых средств. С парижским Домом Ротшильдов все было уже скоординировано, так же как с Уолл-стрит и бельгийскими банкирами.

Возможности немцев помочь русским наличностью были сравнительно невелики, кроме того, мы все тогда были уверены, что переговоры Коковцева о заимствованиях на немецком финансовом рынке окончатся ничем, разбившись о проблему заключения нового русско-германского Торгового соглашения. Настроения юнкерства были однозначно воинственными – им требовался реванш за 1894 год, когда русский министр финансов Витте продал в заключенном с Германией на десять лет Торговом соглашении большинство из российских требований, в том числе низкие немецкие ввозные пошлины для русской сельхозпродукции.

В свою очередь, лорд Керзон потребовал в первоочередном порядке довести индийскую армию до ста сорока тысяч боеготовых штыков и сабель, со всем причитающимся обозом и артиллерией. И хотя генералы Китченер и Бракенберри посчитали эти цифры излишними, не считая русскую угрозу Афганистану, а тем более Индии настолько серьезной, вице-король упрямо стоял на своем. И кстати, его поддержал его величество...

К этому же решению – не ввязываться – склонился бывший первый лордом Адмиралтейства Селборн. Он посчитал, что с учетом бурного роста германского и североамериканского флотов, рисковать потерями в численном составе Ройял Нэйви нам не следует. Вдобавок он был уверен, что японский флот качественно стоит на голову выше русского.

⁸ Бальфур Артур Джеймс (1848–1930) – английский государственный деятель, консерватор, убежденный империалист-прагматик. На Берлинском конгрессе 1878 года был секретарем своего дяди, министра иностранных дел лорда Солсбери, проводником и продолжателем политики которого считался на протяжении всей своей карьеры. В 1886-м вошел в состав правительства в качестве министра по делам Шотландии, а в 1887–1891 годах стал министром по делам Ирландии, проводя политику жестоких репрессий против ирландского национально-освободительного движения, за что и получил прозвище «Бальфур кровавый». В 1891-м – первый лорд казначейства и спикер Палаты общин. В 1902-м сменил лорда Солсбери на постах премьер-министра и руководителя консервативной партии. Проводил реформы в области образования и обороны, был одним из инициаторов англо-японского союза (1902), означавшего конец политики «блестящей изоляции»; добился заключения союза Англии с Францией, заложившего основы антигерманской коалиции (Антанта). Раскол партии в 1903 году и личная конфронтация Бальфура с Чемберленом по вопросу о тарифах и реформе таможенной системы в духе протекционизма подорвали позиции правительства. В нашей истории в конце 1905 года Бальфур вышел в отставку; на парламентских выборах в декабре консервативная партия потерпела поражение.

Взвесив все плюсы и минусы, в итоге мы решили вести в отношении России довольно умеренную политику, а японцев поддерживать всем, чем угодно, кроме прямого военного вмешательства. Кстати, наш апрельский договор с Парижем, гарантированно исключивший помощь Петербургу от его единственного союзника, дорогого стоил для японцев. Конечно, неприятно, что ситуацией воспользовался кайзер Вильгельм, активно обхаживающий русского царя и сулящий ему всякие манны небесные. Однако полагаю, последнее слово в этой пьесе все равно останется не за ним.

Но дабы быть честным перед самим собой, и меня, и лорда Солсбери тоже вполне устроило, что большинство членов Комитета высказалось против нашего выступления на японской стороне. Фактор растущей германской угрозы, для обуздания которой нужно улучшать отношения с царем, а не воевать с ним, мы были обязаны учитывать. И меня просто взбесило, что господа из Токио проигнорировали наше предупреждение о нежелательности этой войны для Кабинета при складывающемся положении в Европе. Они попросту решили разыграть английскую козырную карту в своей азартной игре. А такое в отношении Британии не позволительно никому. Ознакомившись с итогами заседания Комитета, именно так и высказался его величество король Эдуард.

Но даже в итоге чисто политической и экономической поддержки японцев мы получили в наш адрес мощнейшую вспышку ненависти по всей стомилионной России, и в первую очередь, к сожалению, – в Зимнем дворце. Гардинг, контролируя ситуацию в Петербурге изнутри, зря в колокола бить не стал бы. Сейчас необходимо думать о том, как спустить давление в этом котле, ни в коем случае не доводя до открытого разрыва. И не потеряв лица при этом. Сам русский царь Николай достаточно консервативен и тактичен для понимания этого. Но вот можно ли сказать то же о его нынешнем ближайшем окружении?

Дело отнюдь не минутное. Возможно, придется потратить годы. Поэтому сегодня мы и решили пригласить на заседание Комитета господ-либералов Асквита, Хольдена и Грэя. Если, паче чаяния, на волне японского разгрома и нашей склоки с упрямым Джо Чемберленом, который с некоторых пор даже демонстративно уклоняется от присутствия на заседаниях Комитета, может случиться так, что мы проиграем выборы, следующий Кабинет предстоит формировать им. А политика Британской империи должна быть последовательной в столь важном вопросе, как отношения с Россией.

Нельзя допустить, чтобы труды короля по подманиванию галлов, а через них, позже, и царя, пошли прахом! Только бы не довели дело до военного столкновения наши джинго⁹, типа Горацио Китченера¹⁰, которого лорд Керзон, хвала Господу, оставил на хозяйстве в Индии,

⁹ Джингоизм (от jingo – джинго). В британских мюзик-холлах в 1878 году, во время угрозы войны с Россией, была популярна песня: «Мы не хотим сражаться, но – богом поклянемся! (by jingo!), – если придется, найдем и корабли, и храбрецов, и денежек отыщется до черта». Ее немедленно подхватили те, кому хотелось, чтобы Британия пошла войной на Россию, те, кого социалист Дж. Холиок обозвал «джинго». Кличка прижилась и в прессе, и в народе. Таким образом, под джингоизмом понимается агрессивный, воинственный британский имперский патриотизм. Английский аналог шовинизма у французов и квасного патриотизма у русских.

¹⁰ Китченер Гораций Герберт (1850–1916) – нашей истории – британский фельдмаршал (1909). Родился в семье офицера пехоты. Окончил военную академию (1868). С 1870-м – волонтер французской армии, участвовал во франко-прусской войне 1870–1871 годах, затем состоял в английских военных миссиях в Палестине и на Кипре. С 1874 года в британских колониальных войсках. В 1879–1880 годах – вице-консул в Эрзуруме (Турция). В 1882-м – генерал-квартирмейстер оккупационного корпуса в Египте, участвовал в первой Нильской экспедиции. В 1886–1888 годах – генерал-губернатор Восточного Судана. В 1892-м – и.д. командующего, а с 1895-го командующий британскими войсками в Египте, руководил подавлением восстания махдистов в Хартуме (Судан), покорил Донголу, стал кумиром джингоистских кругов Англии. В 1899-м – генерал-губернатор Судана. В 1899–1900 годах – начальник британского генштаба, в 1900–1902-м – командующий британскими войсками во время англо-бурской войны. Беспощадно истреблял буров, перешедших к партизанским действиям, ввел систему концентрационных лагерей для мирного населения и тактику «выжженной земли». В 1902–1909 годах – главнокомандующий войсками в Индии, которые деятельно реформировал, готовя к войне с Россией, которую он тогда считал неминуемой. В 1911–1914 годах – английский генконсул в Египте (ему были подчинены все английские войска, расположенные в Египте и Судане), фактически правитель страны. С 1914-го Китченер – военный министр Великобритании. Погиб на броненосном крейсере «Хэмпшир», следуя в Россию с инспекционным визитом. Корабль взорвался на германской мине.

или «Джеки» Фишера, сменившего на днях в Адмиралтействе холодного и рассудительного Селборна, который был профессиональным политиком, а не палубным «морским волком».

Сперва неумный адмирал притащил за собой в Портсмут шлейф его взрывной деятельности на Китайской станции и Средиземноморской эскадре, взбаламутив все и всех своими подводными лодками, надбавками кочегарам и грядущим переводом энергетики кораблей на нефть. Теперь мы получили Джека, во многом благодаря его величеству, кстати, во главе всего Флота. Да, пожалуй, лучшей страшилки для кайзера выдумать было нельзя, но и реакция белой кости флотского офицерства на это назначение была вполне предсказуема. Достаточно вспомнить последние высказывания лорда Чарльза Бересфорда.

Так что сможем ли мы с адмиралом Фишером сработаться – вот в чем гамлетовский вопрос...»

* * *

– Джентльмены. Я имел честь специально пригласить на наше заседание генерала сэра Генри Бракенберри, помощника генерал-квартирмейстера генерал-лейтенанта Альтхама, а также кэптэна сэра Чарльза Оттли, директора морской разведки. Поскольку нам сейчас крайне важно получить всю последнюю информацию о ситуации в Маньчжурии и у Порт-Артура, которой обладают армейские и флотские разведывательные органы. Полагаю, что вы, господа, не будете в обиде за то, что я в некотором смысле действовал при этом через ваши головы? Прибытия лорда Керзона мы ждали только через три дня, поэтому я вынужден был сегодня поторопить события, узнав, что вице-король уже в Лондоне, дабы не терять ни единого лишнего часа. – Бальфур слегка поклонился в сторону расположившихся вместе с лордом Селборном чуть обособленной группой Хью Арнольд-Форстера, секретаря военного кабинета, лорда Уильяма Бродрика, военного министра и адмирала Джона Фишера.

– Кроме того, дабы исключить на будущее влияние на наши сегодняшние решения любых превратностей внутренней политики, я пригласил разделить сегодня с нами бремя непростых решений наших коллег и оппонентов из либеральной партии. И конечно, лорда Эшера, имевшего вчера весьма содержательную беседу по теме нашего заседания с его величеством. Также по моей просьбе прибыл из Санкт-Петербурга сэр Чарльз Гардинг с важными, самыми свежими новостями из российской столицы. Итак, джентльмены, к делу. На повестке дня у нас стоят три вопроса. Я сформулирую их, по возможности, предельно кратко. Первый: поскольку поражение Японии в войне с Россией представляется неизбежным, какие шаги должна предпринять Британия, дабы не допустить окончательного разгрома Токио и его полной капитуляции? И сколько это, пусть в первом приближении, нам будет стоить? Второй: до какой степени может сегодня распространяться наше давление на Россию в японском вопросе, с учетом прогрессирующего роста германской угрозы, и, следовательно, крайней нашей заинтересованности в привлечении Петербурга к участию в Антанте? Третий: на какие шаги может и должна пойти империя, если в ближайшее время станет ясно, что наши усилия привлечь царя к союзу окажутся тщетными или более того – вероятен его альянс с кайзером?

* * *

– Должен заметить, господа, что мой срочный приезд в Лондон был вызван не только и не столько тем, что наш глубокоуважаемый господин председатель пожелал учесть мое скромное мнение при сегодняшнем обсуждении. – Посол Гардинг поклонился в сторону Бальфура. – К сожалению, после вскрывшихся недавно фактов попытки подкупа двух высокопоставленных сотрудников моего посольства, включая даже первого секретаря Сесила Спрингс Райта со стороны русской разведки, я не смог доверить бумаге и шифру важнейшую информацию о трех

встречах в Петербурге, которые у меня состоялись в этом месяце. Я счел, что риск подставить доверившихся нам персон слишком велик, а они для нас сейчас слишком ценны. Вынужден признать, я перенес чрезвычайно огорчительный удар, обнаружив, что начальнику моей канцелярии была предложена «скромная» сумма в тысячу фунтов за то, чтобы он выкрал копию одного из наших дипломатических шифров. Поскольку, раз речь шла лишь об одном коде, надо полагать, два других у русских уже имеются.

Господин Витте, о встрече с которым я буду говорить далее, заявил, что ему все равно, насколько подробно я передаю наши беседы, если это делается в устной форме, но умоляет меня ни в коем случае не пересылать сообщения письмом или телеграфом, поскольку содержание почти всех посольских телеграмм и почты *«им известно...»*. Тут он определенно имел в виду новую тайную политическую полицию царя Николая, так называемую ИССП.

В конце октября я инкогнито переговорил с Сергеем Юльевичем, который в настоящее время хоть и отстранен царем от активной деятельности, сам так вовсе не считает. Он готов бороться как за себя, так и за лучшую участь для Российской империи в том плане, как он себе это представляет. Поддерживают его в этой решимости многие влиятельные фигуры, в том числе вдовствующая императрица. Хотя, полагаю, она не вполне отдает себе отчет в том, как далеко при этом готов зайти бывший царский министр финансов и премьер. Затем, как оказалось, в свете предыдущего моего разговора с господином Витте, со мной тайно встретился великий князь Николай Николаевич младший...

Полагаю, вы уже достаточно заинтригованы? Ведь в пробританских настроениях этот горячий поклонник парижского стиля жизни ранее замечен не был. И наконец, аудиенция, которую я, опять же, в режиме полной секретности получил у великого князя Владимира Александровича. Причем, как и в первых двух случаях, инициатором этой встречи был не я.

– Сэр Чарльз, мы уже внимательно ознакомились с вашим отчетом. Скажите только, как вы сами считаете, сколь серьезно желание, так скажем... определенных кругов дворцовой камарильи пойти до конца в деле смены главы правящей династии? – не совсем тактично перебил Гардинга его непосредственный начальник, глава Форин-офиса Лансдаун.

– Полагаю, оно более чем серьезно, милорд. Старшее поколение Романовых стремительно утрачивает влияние на решения царя, почувствовавшего вкус власти. А наследник-гемофилик, лишая нынешнюю царскую семью дальнейших тронных перспектив, только поддерживает их решимость самим фактом своего появления на свет. Полагаю, что перед нами образование в России фронды посерьезнее, чем во времена покойного Павла Петровича.

– А как вы расцениваете заявления царя Николая о его готовности тотчас после войны ввести Конституцию и парламентаризм?

– В большинстве великокняжеских дворцов этому не верят. Соответствующие настроения царят и в головах большинства гвардейских офицеров. Кстати, как и в среде либерального крыла их буржуазии, которое де-факто представляет господин Витте. И тем более среди интеллигенции.

Достаточно показательно, что партия социалистов-революционеров не свернула своей террористической деятельности, а это было бы самым верным барометром. Кстати, трагическая гибель японского полковника Акаши в Стокгольме, безусловно, организованная русской разведкой, лишь на пару недель прервала налаженный канал финансирования левых элементов в России, и должен особо сказать, что за успехи в этом вопросе я бы рекомендовал отметить нескольких сотрудников нашего посольства. Подробную докладную я представил лорду Лансдауну.

– Благодарим вас, сэр Чарльз. Это, безусловно, чрезвычайно важная информация. Но стоит ли нам явно поддерживать эти настроения? Конечно, при необходимости финансовую поддержку мы сможем обеспечить. Как и моральную. Но все телодвижения в этом вопросе должны оставаться «под ковром». Тем паче пока не ясна ни реакция царя на наши и амери-

канские предложения по посредничеству в деле урегулирования конфликта с Токио, ни его приоритеты на послевоенный период. Все-таки темпераменты упомянутого вами Павла Петровича и Николая Александровича несколько различны, а рычаги воздействия на нынешнего русского государя далеко не все потеряны, и не только родственно-монархические. Кстати, об организации возможного визита в Санкт-Петербург его величества короля я бы предложил подумать очень серьезно.

Крайне желательно также, чтобы Париж как можно быстрее задействовал все свои приводные ремни для скорейшего мирного урегулирования на Дальнем Востоке... – С этими словами Артур Бальфур выразительно посмотрел поверх очков на холодное, непроницаемое лицо лорда Ротшильда. – А теперь, джентльмены, давайте дадим слово военным. В первую очередь хотелось бы узнать ваш прогноз, господа, по поводу того, как долго еще продержатся против русских японские армия и флот. И чем мы сегодня можем помочь им сражаться подольше, дабы время и место для нашего политического маневра не оказались слишком ограниченными.

При этом прошу вас учесть, что ни о каком пересмотре наших решений от 4 января не может быть и речи. Мы не должны позволить японцам прямо вовлечь нас в эту войну, как бы печально для них ни развивались события. Кстати, об этом же умоляют нас и французы. Интересные подробности недавней неофициальной встречи господина Делькассе с лордом Лансдауном и со мной вы также сегодня узнаете...

Глава 2

Осакская побудка

Филиппинское море, Осакий залив 09–10 ноября 1904 года

– Ваше превосходительство! Разрешите доложить, наше место по счислению на семнадцать часов – 134 градуса 55 минут восточной, 32 градуса 40 минут северной. До входа в пролив Кии сто двадцать миль, – доложил вошедший в ходовую рубку «Ушакова» младший штурманский офицер броненосца прапорщик Зорич.

– Спасибо, Эммануил Иосифович. Когда производили обсервацию и кто?

– Лейтенант Максимов, по солнцу, утром проглядывало. Семь часов сорок минут назад.

– Добро. Ну-с, командуйте к повороту. Курс – норд, ноль – обернулся к командиру корабля Сильману контр-адмирал Беклемишев.

– Туман так и ползет, Николай Александрович. Может быть, подождем часок-другой? Ветерок тянет, есть ведь шанс, что в итоге разгонит.

– Федор Федорович, любезный, вы же не хуже моего знаете: в это время года *здесь* куда вероятнее, что к утру он вообще как молоко станет. Тем более ближе к берегам. А вот то, что и вам, господа офицеры, и мне одеться потеплее не помешает, так это точно. Сырость эта уже до костей пробирает...

Такой погодой просто грех не воспользоваться: волнение меньше балла... Нет. Вперед и только вперед! Мы и так из-за этого трехдневного шторма отстаем от расчетного времени на пятнадцать часов. Но нет худа без добра, проплываем ночь потихоньку, без перегруза машин. Прилив в проливе Кии нам добавит узла полтора, так что к узости пролива Китан подойдем как раз за час-полтора до максимума высокой воды. Сегодняшний день мы потеряли, с этим уже ничего не поделаешь, зато к цели подойдем в расчетное время суток, на восходе.

– Эммануил Иосифович, по вашим с Максимовым и Сипягиным расчетам, что у нас получается?

– Пройти ворота пролива Кии мы должны за два часа до рассвета. С учетом приливного течения скорость нужно держать восемь узлов.

– Спасибо... А если мы часа три сейчас простоим?

– Минуточку... Так... На одиннадцати узлах нужно будет идти. Наши транспорты вполне успеют.

– А не вылезем на камни в тумане, Николай Александрович? – озабоченно проговорил старший офицер «Ушакова» Мусатов.

– Навигационный риск есть, конечно. Но я в наших штурманах уверен. При ширине пролива в узости в двадцать миль да промахнуться? И в конце концов, Александр Александрович, мы ведь не зря впереди этот конфискат пустили, а за ним уже «Храброго». Так что, ежели вдруг... Но все равно: не дай бог!

Минут через двадцать встанем, как всем отрядом ляжем на новый курс. Первый пункт плана мы выполнили: не открытыми противником вышли на широту горла пролива Кии. Теперь пути назад нет, мы должны атаковать в любом случае – Камимура нас перехватить на отходе не успевает.

Игорь Андреевич, прикажите набрать сигнал по отряду: «Лечь в дрейф. Командирам прибыть на флагман». Предварительный – как перестроимся, исполнительный – как все отретпуют. В сумерках, да еще и с туманом, нас уже никто не опознает. Тем более ночью. А к утру как раз пройдем остров Ишима. Вряд ли их наблюдатели оттуда нас засекут.

– Есть! – вахтенный начальник мичман Дитлов козырнул, выходя из рубки на мостик.

* * *

– Все собрались, господа офицеры? Тесновато, конечно, но не обессудьте. Ну-ка, чайку! Чайку горяченького миноносникам нашим! Продрогли, небось? Сейчас согреетесь... Однако пришла пора нам начинать у самураев в горнице шорох наводить. Время пошло. У меня, откровенно говоря, на душе пусто как-то даже. Отработали все изрядно, и мы, и штаб командующего, для той спешки. Так что просто неловко перед япошками. Да и не только перед ними, ведь не им одним завтра достанется. Кстати! Как раз к случаю. Мне Всеволод Федорович перед расставанием анекдотец рассказал. Изрядный весьма... Стало быть, встречаются два подвыпивших малоросса:

«Привет, Петро!» – «Привет, Михась! А пидэмо москалям морды бити!» – «Хм... Гарно! Це дило... Тильки, Петро, а коли вины нам набуцкають?» – «Тю... Та нам то за шо?!»

К чему это я... Конечно, мы обнаглели. Шутка ли, с семьёй истребителями, канонеркой, тремя ББОУшками и шестью минными катерами лезть на крупнейший неприятельский порт, защищенный полутора сотнями орудий и миноносной флотилией. Но, как мы все понимаем, задача для нас вполне по силам. А чтобы никто ничего не забыл, сейчас еще раз пробежимся по пунктам. Давайте-ка все поближе к столу...

Пока теснившееся общество скрипело стульями и креслами, Беклемишев попросил своего флаг-офицера кавторанга Свенторжецкого подготовить карту предстоящей операции, и когда все, наконец, расселись, констатировал:

– Итак, господа, мы идем в бой. Отменительного сигнала по телеграфу через Егорьева мы не получали, так что план оставлен в силе. Первый шаг сделан: дошли не обнаруженными и никого не потеряв. «Невки» держались в строю и на волне удовлетворительно, о штормовых и иных повреждениях никто из вас не докладывал, – контр-адмирал Беклемишев обвел взглядом сосредоточенные лица командиров истребителей, – значит, как я понимаю, к бою вы готовы. «Храбрый» тоже на волне смотрится прекрасно, признаю, что вы, Давыд Васильевич, были правы, когда заставили меня разрешить вам взять по тридцать пять шрапнелей на каждую шестидюймовку сверх комплекта. Даст бог, придутся кстати...

Ох, замечательный чаек! Все попили? Согрелись? Вот и славно. Ну, докладывайте, будьте добры, Евгений Владимирович. Что и кто нас ждет.

– Итак, господа, общая характеристика береговой обороны Осацкой бухты, или залива Идзуми, как его зовут сами японцы. Входными воротами в Осацкую бухту является сравнительно узкий, менее трех миль на входе, но глубоководный пролив Китан, открытый в обширный залив Йошино, который, в свою очередь, сообщается с Филиппинским морем через пролив Кии. Пролив Китан расположен между западной оконечностью острова Токушима и юго-восточной оконечностью острова Авадзи. Между Токушимой и мысом Када лежит еще один остров – Тарушима, примерно равный первому по площади. Эти два небольших острова преграждают вход в Идзуми-ван, оставляя туда из залива Йошино три прохода. Западный, упомянутый пролив Китан, является судоходным. Он в несколько раз шире, чем два других, расположенных восточнее него пролива, а глубины в нем достигают ста метров, позволяя свободно проходить любым типам кораблей и судов. Два малых пролива мелководны, изобилуют подводными камнями, и в период отлива средний непроходим вовсе. Даже для небольших рыбачьих парусников. Трудности навигации дополняет то, что перепад высокой и низкой воды в заливе достигает двух с лишним метров, а максимальная скорость приливно-отливных течений зафиксирована на уровне шести узлов. Кстати, по заслуживающей доверия информации, с началом войны японцы перегородили оба этих узких пролива бонами.

В проливе Китан боны отсутствуют. Ставить там таковые или минировать этот пролив – занятие бессмысленное. Что касается бона, держать в проливе с такими течениями и интенсив-

ным движением судов сооружение подобного размера просто нереально. В отношении мин есть два принципиальных момента. Во-первых, постоянные их срывы повлекут за собой серьезную и постоянную угрозу собственному судоходству. Во-вторых, это главный порт страны. Перекрывать пролив к нему минами – значит колоссально усложнить себе и нейтральным купцам жизнь. И многие из последних не рискнут везти груз в «защищенный» таким образом порт. Следовательно, и это принципиально важно, ни мин, ни искусственных препятствий в проливе мы не встретим.

Японцы уповают прежде всего на их береговую артиллерию, как на главную защиту портовой зоны. Такому положению дел способствует и рельеф местности в районе пролива. В непосредственной близости к побережью, не далее полутора-двух миль, как на острове Авадзи, так и на Кюсю в районе мыса Када и мыса Арида, лежащего к югу от города Вакаяма, есть высоты более тысячи футов. Остров Токушима представляет собой скальный массив с высотами до шестисот-восьмисот футов. Остров Тарушима выглядит на этом фоне лилипутом – его высота в западной оконечности не достигает ста пятидесяти футов, плавно понижаясь к востоку.

С учетом удобства секторов обстрела, высот и скального грунта японцы расположили свои береговые батареи в трех тактических группах. Группа «Юра» на Авадзи объединяет одиннадцать батарей, на вооружении которых находятся 62 орудия: шестнадцать 9-сантиметровых пушек на батареях № 1 и № 2, двенадцать 12-сантиметровых пушек на батареях № 3 и № 4, десять 15-сантиметровых орудий на батареях № 5 и № 6. На батареях № 7 и № 8 установлены одиннадцать 28-сантиметровых «осакских» гаубиц, а на батарее № 9 находятся четыре 24-сантиметровые пушки также производства Осацкого арсенала. Высота верхов этих батарей от 280 до 480 футов над уровнем моря. И наконец, дальнобойные 27-сантиметровые пушки Шнейдера. Их имеется восемь. Они стоят на батареях № 10 и № 11. Высота их расположения порядка 680 футов, и отстоят они от моря в глубину острова примерно на милю.

Группа «Томагошима» включает в себя шесть батарей при тридцати четырех орудиях на Токушима. Из них одна пушечная – на небольшой возвышенности его восточной оконечности. Это батарея № 6. Там расположены четыре 24-сантиметровых орудия. Плато от середины острова до западной оконечности буквально упиано орудиями. Батареи № 1 и № 2 имеют двенадцать 12-сантиметровых, а № 3 – шесть 15-сантиметровых пушек и, наконец, № 4 и № 5 – девять 28-сантиметровых гаубиц. На островке Тарушима орудий нет.

Третья группа батарей, «Када», имеет сорок восемь орудий. Восемь батарей. В районе одноименного мыса – четыре. № 1 – шесть 9-сантиметровых пушек, № 2 и № 3 имеют одиннадцать 12-сантиметровых, а № 4 – пять 15-сантиметровых орудий. В районе мыса Арида находятся батареи № 5 и № 6 с десятью 28-сантиметровыми гаубицами. А несколько дальше от береговой черты, примерно в полутора милях от берега, стоят батареи № 7 и № 8 с восьмью шнейдеровскими 27-сантиметровыми. Принцип расположения батарей этой группы аналогичен группе «Юра». Кроме того, они отвечают непосредственно за оборону рейда портового города Вакаяма, где японцами организован ночной отстойник для транспортов и таможня. Ночью движение купцов в проливе Китан запрещено. У Вакаямы дежурят два номерных миноносца из приписанных к морскому округу Курэ и брандвахта – вооруженный пароход. Подобного типа брандвахта стережет и горло пролива Китан. Возле нее также обычно держатся один-два миноносца.

Вот так в первом приближении выглядит противостоящий нам с вами противник по артиллерийской части. Почти полторы сотни стволов... Но, как отметил на военном совете у Иводзимы Степан Осипович, не так страшен черт, как его малюют. И причина такой оценки очевидна. Среди этих пушек и гаубиц нет ни одного современного скорострельного орудия. Кроме того, даже в пределах одного калибра, что в особенности относится к шести- и пятидюймовым пушкам, имеет место разнотипность артсистем.

В качестве примера приведу 25-, 35- и, возможно, 45-калиберные 12-сантиметровые пушки Круппа, заводов «Шнейдер-Крезю» и «Сен-Шамон»; 15-сантиметровые представлены 35- и 40-калиберными также систем Круппа и Сен-Шамона. Все разработаны в период с 1880-го по 1892 год, и среди них, повторюсь, нет ни одной, по скорострельности сопоставимой с нашими пушками Кане аналогичного калибра или же армстронговскими, стоящими на вооружении японского флота. Реальную их скорострельность можно оценить в один-два выстрела в минуту или даже несколько меньше: навряд ли японцы существенно улучшили эти орудия в сравнении с теми аналогами, которые имелись и имеются на вооружении ряда европейских армий и флотов.

Исходя из наших планов атаки осакского рейда истребителями, именно орудия этих калибров будут представлять для «Невок» наибольшую угрозу, не сравнимую, однако, с той опасностью, каковую несла бы эта сотня пушек, будь они современными и скорострельными.

Скученность большого количества береговых батарей на относительно небольшой территории, что, как видно на карте, имеет место на острове Авадзи и острове Токусима, не только облегчает задачу ведения огня по ним; ее следствием делается наложение их секторов обстрела друг на друга, что неизбежно приведет не к взаимному усилению батарей, а к тому, что они попросту будут мешать друг другу вести пристрелку.

Разнокалиберность батарей и разнотипность установленных на них орудий исключает возможность централизованного контроля огня нескольких батарей по одной цели или группе целей. При таком положении вещей можно предположить три возможных способа стрельбы: в первом случае батареи ведут огонь по очереди, что в разы уменьшает суммарную огневую производительность укрепленного района, сокращает время действия и снижает эффективность стрельбы каждой конкретной батареи, вынужденной передавать эстафету соседней, едва успев пристреляться; во втором случае, являющемся разновидностью первого, две или три соседние батареи пристреливаются по очереди, после чего все вместе открывают огонь на поражение, что в итоге несколько повышает огневую производительность и эффективность стрельбы назначенной группы батарей; в третьем случае все батареи, которым позволяют их секторы обстрела, стреляют одновременно, руководствуясь либо заранее разработанными правилами стрельбы по площадям, либо разумением их командиров. В результате образуется визуально эффектный шквал огня, а море закипает от всплесков снарядов вокруг кораблей неприятеля, что, однако, вовсе не ведет к обязательному его поражению.

Первые два способа применимы к стрельбе по тихоходным целям, движущимся строго определенным курсом. Для стрельбы по целям, маневрирующим на большой скорости (пятнадцать и более узлов), подходит исключительно третий способ, так как при быстром и непрерывном изменении координат цели и по дальности, и по направлению пристрелка теряет смысл.

Под интенсивным огнем маневрирующих броненосных кораблей японские береговые батареи, расположенные на открытых позициях, не смогут оказать им длительного, упорного сопротивления. Тем паче если противник будет в ответ обстреливать их высоkobризантными фугасами и шрапнелями. Личный состав из открытых орудийных дворики будет вынужден либо спуститься в укрытия, либо покинуть расположение батарей, а орудия в ходе обстрела достаточной продолжительности будут уничтожены или серьезно повреждены.

Необходимо подчеркнуть, что стрельба с ходу по неподвижной цели представляет собой задачу более простую, нежели стрельба с места по цели движущейся: в первом случае не требуется вводить поправку на упреждение. Что подтверждается результатами наших стрельб на походе и у Горки.

Наши броненосные корабли имеют двадцать три среднекалиберных скорострельных орудия. По своей боевой огневой производительности они практически сопоставимы со всей сотней стволов на японских батареях. Однако необходимо учитывать, что в бортовом залпе будет

участвовать половина нашей артиллерии, зато при запланированном распределении целей проблем с наводкой у нас возникнуть не должно.

Каждому кораблю назначена своя группа целей и порядок их подавления. Здесь ничего нового, господа, добавить я не могу: на «восьмерках» «Ушаков» работает район «Юра», «Сенявин» – остров Токушима, за исключением батареи 24-сантиметровых пушек на восточном мысу, «Апраксин» – эту батарею, она будет угрожать «Ушакову», и район «Када». «Храбрый», после прохода истребителей в залив, маневрируя по способности, должен подавить батарею из таких же пушек на западном фланге района «Юра», прямо угрожающую «Сенявину».

Порядок обстрела целей ясен. Если противник открывает огонь по нашим истребителям до момента вхождения в пролив Китан «Ушакова» и «Сенявина», начинают работать среднекалиберные батареи и шестнадцать крупновских девятисантиметровок на косе у берега острова Авадзи, а также среднекалиберные батареи на западном мысу острова Токушима. Если истребители прорвутся, воспользовавшись элементом внезапности, огонь открывается после их прохода проливом. Постараемся упредить противника, так как неожиданные залпы вдогон могут быть опасны нашим минным судам. После ухода Коломейцова и Матусевича в Осацкую бухту главной целью наших кораблей становятся батареи тяжелых пушек и гаубиц.

На «Апраксин» возложена дополнительная нагрузка – он должен обеспечить выход в атаку на якорную стоянку транспортов у Вакаямы наших минных катеров, поскольку пара находящихся там миноносцев попытается им помешать.

Важная задача возложена на «Храбрый». Во-первых, брандвахта и миноносцы при ней у пролива. Вы, Давыд Васильевич, должны, прикрывшись нашими головными пароходами, сблизиться на эффективную дистанцию, и когда станет ясно, что противник всполошился, решить эту проблему. Во-вторых, сразу после этого вам надлежит занять артиллерийскую позицию № 1 и шрапнелью и фугасами привести к молчанию батареи № 10 и № 11 группы «Юра» на острове Авадзи, чем обеспечить «Сенявину» и «Ушакову» спокойную работу по определенным им целям. И наконец, в-третьих: когда наши истребители двинутся на выход из залива, вам надлежит прикрыть их своей артиллерией, не останавливаясь для этого даже перед входом в залив, если обстановка того потребует...

Теперь более подробно о японских артсистемах. Основой орудийного парка японской тяжелой береговой артиллерии являются 28-сантиметровая гаубица и 24-сантиметровая пушка, обе образца 1890 года, англо-итальянской конструкции, производящиеся серийно на арсенале в Осаке. Кстати говоря, большая часть стволов для них была сделана в Англии, а лафетов – в Италии, что не лучшим образом характеризует мощности этого арсенала.

Один выстрел в три минуты – такова оценка нормальной технической скорострельности таких гаубиц офицерами германского генштаба. Она, в отличие от боевой, не учитывает время, необходимое для прицеливания, наведения на цель. Чтобы не быть голословным, вот краткое описание процесса заряжания рассматриваемой гаубицы.

За точку отсчета примем тот момент, когда ствол орудия был опущен на угол, пригодный для заряжания. Понятно, что при угле семьдесят шесть градусов к горизонту гаубицу не зарядить. Очередной снаряд весом около 220 килограммов, поданный из погреба, соответствующий номер расчета уже подкатил на специальной тележке к основанию орудия. Другой номер, используя заплечные ремни, доставил из порохового погреба пенал, содержащий картуз с 20-килограммовым зарядом бездымного пороха. После этого орудийной прислуге, общая численность которой двенадцать человек, надлежит выполнить следующие операции: подкатить тележку со снарядом к подъемному крану по пандусу, прикрепленному к поворотной раме лафета; застропить снаряд с помощью приспособления, состоящего из переднего кольца, задней насадки и соединяющей их цепной перемычки, и подцепить снаряд гаком крана; с помощью ручного привода поднять снаряд краном на высоту оси казенной части орудия, после чего поворотом крана подвести его к открытому затвору; опустить снаряд на отведенный в сторону

зарядный столик, расстропить снаряд, вернуть зарядный столик в исходное положение и втолкнуть снаряд ручным прибойником в зарядную камору; положить на зарядный столик картуз с зарядом, втолкнуть его в зарядную камору и закрыть затвор.

Проделать все перечисленные операции с тяжелыми и опасными предметами быстрее, чем за три минуты, можно разве что на состязаниях лучших орудийных расчетов крепостной артиллерии на приз императора. А затем надо сделать самое главное – навести посредством мускульной силы прислуги 24-тонное орудие в целом и 10-тонный ствол в частности на движущуюся цель, которая за время заряжания гаубицы весьма значительно изменила свое положение относительно ее огневой позиции и по дальности, и по направлению. Отсюда вытекает, что реальная боевая скорострельность этого орудия – один выстрел в пять минут.

Как было сказано, второе основное тяжелое орудие японской береговой артиллерии – 24-сантиметровая пушка. Разработанная на пару с 28-сантиметровой гаубицей, она отличается от нее только калибром, массой снаряда (150 килограммов) и, как и положено пушке, длиной ствола в 23 калибра. Несколько иная и конструкция лафета. В главном же для нас «осакские сестры» идентичны: подача боеприпасов посредством крана, раздельно-картузное заряжание, ручные приводы механизмов наведения и, как следствие – неповоротливость и медлительность. По дальности стрельбы – девять километров – пушка превосходит гаубицу, по скорострельности – едва ли.

Двадцатичетырехсантиметровый парк дополняет некоторое количество 27-сантиметровых пушек с длиной ствола в 26 калибров французской фирмы «Сен-Шамон» образца 1884 года, которыми, в частности, была вооружена шестиорудийная батарея на мысе Каннон, а также 36-калиберные пушки Шнейдера образца 1889 года. Эти системы в целом аналогичны орудиям, находящимся на вооружении старых французских броненосцев.

Мне удалось рассмотреть такие на броненосце «Ош». Техническая скорострельность их была медленнее, чем выстрел в две минуты. На берегу японцы в три минуты точно уложатся. С учетом неплохой баллистики системы такие пушки представляют наибольшую опасность для наших больших судов. По данным бывшего морского агента в Японии Русина, они по четыре штуки стоят на батареях острова Авадзи и мыса Арида. Их желательно постараться подавить как можно скорее.

В целом же, с учетом полного отсутствия на японских батареях скорострельных пушек, способных бороться с маневрирующим, достаточно быстроходным флотом, дело поражения наших кораблей можно отнести скорее к моменту случайному. Хотя на войне случайности бывают. К счастью, нет здесь у японцев и ничего похожего на современные германские разработки с бронебашнями или бронеколпаками. Поэтому наш огонь должен быть вполне эффективным, по мере поражения позиций вражеских батарей их ответ начнет существенно ослабевать. По нашим расчетам, с учетом опыта стрельб, это должно вполне проявиться уже к концу первого получаса артиллерийской дуэли...

Теперь о японских минных силах, с которыми, очевидно, нам предстоит встретиться.

Район Кобэ-Осака находится в оперативном подчинении морского командования базы в Курэ. По данным Русина, на начало войны к нему были приписаны четыре отряда номерных миноносцев 2-го и 3-го классов, по четыре корабля в каждом. С учетом вероятных серьезных потерь в кораблях этого типа, а наш штаб оценивает их в семнадцать единиц минимум, в настоящий момент число базирующихся на Курэ миноносцев вряд ли больше дюжины в трех отрядах.

Таким образом, даже в случае если японцы все свои миноносцы, приписанные к Курэ, будут держать у Кобэ, их число не должно превысить двенадцать. Два, как мы знаем, находятся на рейде Вакаямы. Еще два – у брандвахты, стоящей на бочках под берегом острова Токушима, в непосредственной близости от входа в пролив Китан. Таким образом, в самом заливе нашим истребителям могут противостоять до восьми миноносцев противника. Вооружены они

парой минных аппаратов, как правило, одним носовым и одним поворотным, а также двумя малокалиберными пушками в 37–47 миллиметров. На вооружении наших контрминоносцев по два трехдюймовых и два 37-миллиметровых скорострельных орудия Гочкиса, а также по две автоматические 37-миллиметровые пушки Максима из числа призовых с «Моники». Огневое превосходство над японскими миноносцами представляется подавляющим. Как и очевидное превосходство в скорости...

– Да! Простите, Евгений Владимирович, перебыю вас на минутку. Господа командиры отрядов истребителей, что имеем по вашим скоростям после перехода? Как у вас, Николай Николаевич?

Коломейцов, начальник 1-го отделения миноносцев, быстро поднялся со своего места и, нервно теребя бородку – он был довольно робок перед высоким начальством, – доложил:

– На данный момент «Бедовый» и «Блестящий» 24 узла часа на два дать смогут. «Бодрый» – тот двадцать три. Хуже всего с моим «Буйным», к сожалению, – не свыше 22 узлов. Машины почти на ладан дышат, да и котлы латанные уже не раз, все-таки за кормой три океана у нас...

– Евгений Владимирович, дорогой! Не ругать мы вас собрались. Или я не понимаю, что после такого пути на списочную скорость нечего рассчитывать. Полагаю, что в завтрашнем деле нам ваших двадцати двух отрядных вполне хватит. Хотелось бы, конечно, чтобы вы побыстрее из-под батарей убрались. Но что выросло, то выросло, что поделаешь... Терпимо. А как у вас дела, Иосиф Александрович?

Дородный, осанистый Матусевич достал из кармана сложенный вдвое листок бумаги:

– Я тут рапортчку подготовил, по всем нашим делам... Скорость полного хода... Так, «Безупречный» мой – 23 узла. Больше никак, в завод надо. «Быстрый» – даже 25 без проблем, молодец наш Николай Степанович и его духи, от Кронштадта ни одной серьезной поломки... «Бравый», как и мы, – 23 узла.

– Брезенты с иероглифами и японские флаги готовы у вас?

– Да, все в порядке. Пока мы к вам ехали, брезенты должны были уже растянуть. Так что мой «Безупречный» уже стал «Оборо», так сказать... И флаги достали, но ведь их мы по плану только перед прорывом поднимаем...

– Конечно. Спасибо... Будьте добры, Евгений Владимирович, продолжайте.

– Что касается задач командирам истребителей, здесь все понятно. Проскочить в залив и атаковать минами грузовые суда. Против миноносцев противника, которые будут стараться им помешать, применять только артиллерию. Мины Уайтхеда – исключительно по крупным целям. Главное, что после прохода в залив можно особо не спешить и не торопиться. У вас, господа, в общей сложности 35 мин. Если хотя бы две трети из них найдут свои жертвы, удар по японской торговле будет нанесен сокрушительный. Причем если японские миноносцы нападут на вас до начала атаки на транспорты, это даже желательно: проще оправдываться перед мировым сообществом за потопление нейтральных пароходов.

Задача, возложенная на наши шесть минных катеров-газолинок, – атака транспортов, ночующих в таможенном отстойнике у Вакаямы. Два миноносца, что там могут находиться, должен взять на себя «Апраксин», ну а кроме того, шесть полуторадюймовых «максимов» на катерах против миноносцев – страшное оружие. Им же в катера, при их малых размерах, семнадцати узлах хода и маневренности, попасть будет совсем не просто...

Минут через сорок, когда активное обсуждение предстоящего дела стало постепенно затухать, контр-адмирал Беклемишев неторопливо поднялся со своего места:

– Ну что ж, будем считать, часы мы сверили. Каждый командир знает свой маневр. Но план не догма, реальность вполне может внести свои коррективы. Жду от всех храбрости, разумности и инициативы. Помните суворовское: «Быстрота, глазомер, натиск!» Хоть и из сухопутной войны формула, а применительно к флоту лучше не скажешь.

Тост, господа!

За веру, царя и Отечество! С Богом. Начинаем, перекрестясь...

* * *

Мутная промозглая мгла, плотной пеленой затянув начинающее робко светлеть небо, висела над мачтами «Ушакова». У стоявших на мостике негромко переговаривающихся офицеров создавалось впечатление, что клубящиеся прямо над головой туманные сгустки, зацепившись за стены и топенанты, плывут вперед вместе с кораблем, источая на все и всех внизу мелкие, летучие капельки то ли дождя, то ли невесомой водяной пыли, проникающие даже под капюшоны дождевиков.

– Ну что, Евгений Александрович, как нам быть дальше? По прокладке и счислению мы уже должны быть в проливе, а маяков не видать. Либо хмарь эта так низко лежит, либо выключили их японцы все-таки, – обратился Беклемишев к старшему штурману броненосца лейтенанту Максимову.

– Не думаю, что они их к нашему пришествию повключали, Николай Александрович. А туман этот – дождевой, ближе к полудню обязательно поднимется. Не молоко же. Мое мнение – как шли, так и идем. Не могли мы настолько ошибиться, чтоб в ворота Кии не попасть. Увидим скоро маяки... или маяк, обязательно увидим.

– Да, хмарь, конечно. Согласен. Вряд ли они пойдут на выключение маяков на главной торговой дороге. И встреч нежелательных по пути не было, те пароходы, что позавчера на горизонте мелькнули, шли из Японии, телеграфом никто не пользовался. Мы и «Стокгольм»-то наш отсюда плохо видим, а «Гриффинсборг» я даже в бинокль едва различаю... Нет, дергаться не будем. Идем дальше. И если не подкачали наши дорогие «боги карты и секстана», то рано или поздно... Что это? Померещилось мне или ратьер? Смотрите внимательнее... Да, «швед» наш морзит, но не разберем пока... Ага! «Храбрый» нам дублирует. Читайте!

– «Справа по курсу маячный огонь!»

– Где? Не видно же ни черта!

– А от нас и рано, наверное...

– Дать сигнал по отряду: «Боевая готовность!»

– Вон! Вон он, левее смотрите...

– Так... Да! Вижу! И это «справа по курсу»? Он же у нас по носу практически. Смотрите все внимательнее, мало ли что. Борис Сергеевич должен опознать его. Он здесь не раз был. Правда приходилось ли ему в такой мути ползать, не знаю.

– Семафор, ваше превосходительство! С «Гриффинсборга»: «Мыс Мисаки. Принимаю четыре румба к весту, следуйте за мной».

– Слава богу... Я уж подумал, что к Муротозаки вылезли, – не отрываясь от бинокля процедил Сильман, – а то пришлось бы сначала назад отползать, чтобы Ишиму обойти...

– Сигнал Коломейцову: выйти на левый траверз «Храброго», дистанция пять кабельтовых, удерживать место. И по всему отряду: скорость – двенадцать. Боевой порядок № 1.

Бог не выдаст – штурмана не подведут! Ну-с, за мной не пропадет, господа, коль живы будем. Кстати, если бы вышли точно посередине пролива, маяков в этом киселе могли бы не увидеть. Вот чего я больше всего боялся – что будем блуждать в заливе и искать пролив. Теперь – все. Есть привязка. Теперь-то Крбововской выведет нас точно. Слава тебе, Царица Небесная!

Кстати, если такая хмарь и дальше продержится, японцы стрелять-то не смогут! Не увидят нас со своих высот просто... Эх, жаль наши транспорты быстрее не разгонишь. Но все одно – пока расклад наш, господа офицеры.

– Тьфу-тьфу, чтоб не сглазить...

* * *

«Тада-Мару» был довольно пожилым, выдавшим виды небольшим каботажным трампом. Построенный в Филадельфии в самом конце 1880-х, он успел уже дважды сменить флаг, побывав «Форт-Дженкинсом» и «Атабаской», до того как был куплен новыми хозяевами и начал совершать регулярные переходы между портами тихоокеанского побережья Японии и местом своей приписки – Осакой. В дальние рейсы его не пускали из-за слабости машины и непропорционально большого угольного аппетита. Так бы и коптить ему небо в каботажниках еще лет пять-семь до честной отправки в утиль, но вмешалась судьба в виде комиссии из трех морских офицеров, которые неожиданно явились на пароход во время его захода на мелкий ремонт в Кобэ.

В итоге ветеран-углепожиратель из заурядного, ничем не примечательного трудяги-грузовика превратился в корабль Императорского Соединенного флота! Под прежним своим именем и новеньким боевым флагом он был поставлен на бочках у самого входа в пролив Китан, прямо под обрывистым берегом острова Токушима, с которого грозно смотрели в сторону Тихого океана вороненные стволы орудий береговых батарей.

Здесь он терпеливо и честно исполнял сразу две роли – нес брандвахтенную службу у пролива и был базой для снабжения и отдыха экипажей швартовавшихся к нему дежурных миноносцев. Мало того. Теперь он и сам был вооружен! На его баке, обращенном в сторону пролива Кии, было установлено крупновское 88-миллиметровое орудие, а на крыльях мостика, специально усиленных по такому поводу, два мощных прожектора, таких же, что и на самом флагмане Соединенного флота – броненосце «Микаса»! Ну, или почти таких же.

Кроме того, на «Тада-Мару» установили аппарат беспроволочного телеграфирования системы Маркони. Предложение армейцев о соединении его кабелем со штабом артиллеристов района «Тадошима» не нашло поддержки у моряков, которые считали, что если в случае шторма, например, пароходик придется срочно сниматься с якоря, лишнее электрическое хозяйство будет только помехой.

Но главное, на корме парохода, там, где были срублены фальшборты, был установлен поворотный минный аппарат, а в трюме под талями покоились три самодвижущиеся мины Уайтхеда к нему! Каждая из них имела дальность хода больше чем до середины пролива и вполне могла оказаться роковой для любого упряма, не желающего исполнить приказ о немедленной остановке.

Хотя война с северными варварами грохотала где-то далеко, «Тадо-Мару», став боевым кораблем, всей своей котлозаклепочной душой гордился таким поворотом судьбы. Чего нельзя было сказать о его новом капитане. Вернее, командире – капитан-лейтенанте Ямасита Йозо. За неуживчивый характер, склонность резать начальству правду в глаза именно в том виде, как он, Йозо, ее понимал, а также тягу к неумеренному общению с пивом «Асахи», он, вместо того чтобы покрывать себя славой где-нибудь в Желтом море, сражаясь с врагами императора на корабле первой линии, вынужден был убивать время и душу на этой ржавой куче металлолома, мертво стоящей на двух бочках возле входа в Осацкую бухту.

Поначалу он еще не воспринял встречу с «Тада-Мару» как бесповоротную жизненную катастрофу. Но тянулись дни, недели и месяцы, проходили в залив и выходили из него суда и парусники, менялись под бортом дежурные миноносцы. Их командиры, добрые сердца эти лейтенанты, периодически пополняли его арсенал бутылок «Асахи» во втором трюме (там было холодно, и пиво долго не портилось), и они же скрашивали его досуг, вместе с еще тремя офицерами брандвахты.

За почти год стояния у пролива «Тада-Мару» и скучающие возле него миноносцы не совершили ничего выдающегося, если не считать остановку и отправку к Вакаяме полутора

десятков иностранных пароходов, пытавшихся по незнанию пройти в залив ночью. До сих пор все обходилось без стрельбы: суда послушно стопорили ход в лучах прожекторов, а неспешно подходивший к ним миноносец конвоировал нарушителей к Вакаяме и передавал с рук на руки такой же брандвахте, как и «Тада-Мару», у которой, кроме миноносцев, гнездились еще и несколько таможенных катеров. Даже предупредительного выстрела делать не пришлось ни разу...

Нет, стрельбу с «Тада-Мару», конечно, слышали, когда раз пять или шесть за время его стояния у Токушими орудия на высоких скальных верках за спиной начинали лупить в море: или по квадратам, или по предварительно установленным мишеням. Это был еще тот спектакль! Грохот, клубы дыма, гейзеры воды, взлетающие высоко в небо... пару раз не так и далеко от «Тада-Мару». Остановленное на время учений судоходство, высокое армейское и морское начальство на брустверах батарей...

Увы, весь этот праздник жизни оставался за бортом «Тадо-Мару», если не считать периодических визитов в гости пары артиллерийских офицеров, с которыми Йозо был в приятельских отношениях – миноносцы регулярно брали с собой в порт кого-либо из артиллеристов с острова. Так быстрее всего, а на обратном пути можно было прихватить кой-чего, не опасаясь досмотра начальства: полежит день-другой у Ямаситы на «пыхтелке», а там шляпкой заберем.

Именно так – «пыхтелка» – прозвали армейские артиллеристы старый брандвахтенный пароход, болтающийся где-то внизу, под воронеными жерлами их многочисленных орудий.

Но уже наступило утро 10 ноября 1904 года, когда этот бывший трамп в своем первом и последнем бою нанесет атаковавшим Осацкий залив русским кораблям урон больший, чем все полтораста стволов армейской береговой артиллерии. Утро того дня, когда имя его командира, капитан-лейтенанта Ямаситы станет синонимом непреклонной воинской стойкости, встав в один ряд с именами самураев-героев из средневековой истории страны Ямато, как Мусаси Минамото или Тории Мототада...

* * *

– Местное время 09:07, ваше превосходительство!
– Спасибо... Сомнений нет – это они, входные маяки на Авадзи и Токушима. Сигнал по отряду: «Атаковать согласно плану!»
– Наш сигнал принят. Истребители уходят вперед... Красиво побежали!
– Хорошо. Сколько до пролива, как вы оцениваете, Евгений Александрович?
– Мили четыре, не больше. И смотрите – вон и берега уже видно.
– А посередине, это и есть пролив... Почему такие плоские, или это туман еще так низко висит?
– Так точно. Туман. Но он с каждой минутой поднимается. Прямо как занавес в театре. Красиво, кстати... – Красиво-то оно красиво, но нам сейчас не до красоты. Минут через десять-пятнадцать их батареи нижнего яруса смогут по нам работать...
Сигнал на «Сенявин» и «Апраксин»: занять позиции по плану!
– Внимание, господа! Справа от прохода прожектор и морзянка!
– Наши пароходы засекли. Там, похоже, как раз стоит эта брандвахта. Не проспали-таки нас господа самураи. Представление начинается, господа!

* * *

Разбуженный вахтенным, капитан-лейтенант Ямасита, на ходу быстро застегивая на все пуговицы тужурку, поднимался на мостик своей брандвахты. Термометр за стеклом окна его каюты показывал +6 градусов по Цельсию, поэтому он приказал матросу прихватить накидку.

С трудом подавив закипавшее возмущение – ну что, Хига сам не мог разобраться в ситуации с подходящими слишком рано от Вакаямы транспортами и нужно было будить его? – командир «Тада-Мару», жестом остановив доклад лейтенанта, поднес к еще заспанным глазам окуляры бинокля...

– Так... Два здоровых парохода. Флаги пока в этом тумане дурацком не различаю. А из-за них выходят... Ну да, это истребители, однозначно. Три, четыре... Впереди дивизион и за ним еще идут. Нас предупреждали о подходе со стороны Кии кораблей Соединенного флота, Хига? Никаких телеграмм вообще? Хм... По виду наши, но...

– Командир, они увеличивают ход – видите, какие буруны у головных?

– Да... Боевая тревога! Орудие и минный аппарат приготовить! На телеграф: «Тревога! Немедленно подтвердите подход со стороны Кии двух дивизионов истребителей». Если через пять минут квитанции и подтверждения, что это наши, не будет, отбивайте вторую – «Всем! Всем! Всем! Боевая тревога! Неизвестные истребители у пролива Китан. Действую по обстановке».

Пары поднять до марки! Расклепать цепи с бочек!

Гойсо, Йосокава, у ваших миноносцев пары разведены? Ясно. Тогда «Восемнадцатому» приказ – остановить головной дестроер до выяснения, в случае чего действовать по обстановке, быть готовым к открытию огня! «Двадцатому» – немедленно поднять пары, по готовности поддержать «Восемнадцатый». Все. Действуйте, господа!

– Есть, господин капитан-лейтенант!

Командиры миноносцев кинулись исполнять приказ, и через пару минут «№ 18» уже отдавал швартовы, отваливая от борта брандвахты.

– На головной истребитель – запрос позывных!

– А транспорты?

– Оставьте! Им еще до нас ползти и ползти, а дестроеры через несколько минут будут в проливе.

– Что он морзит?

– Не могу знать, господин капитан-лейтенант, таких кодов на сегодня нет ни у кого...

– Приказ: немедленно застопорить! Лечь в дрейф... Что отвечает?

– Не могу разобрать, это не наш код...

– Прожектора – осветить первый дестроер! Баковое! Предупредительный выстрел по курсу!

– Командир! Это же наши! «Акацуки»... Видите надпись на борту?

– Вижу. А вы видели на кораблях типа «Акацуки» такой кожух между средних труб? Или носовой минный аппарат?

– Н-н-нет...

– На телеграф! «Всем! Всем! Срочно! Боевая тревога! Дестроеры противника на входе в пролив Китан. Веду бой!»

Баковая девятисантиметровка звонко ахнула, и спустя пару секунд по курсу головного истребителя, чью скорость на глаз можно было определить уже узлов в двадцать, вырос водяной фонтан.

– Но, командир, может быть, это все-таки...

– Бить по головному дестроеру! Наводи на четверть корпуса перед форштевнем! Огонь! Я хорошо знаю, как выглядит «Акацуки», Хига. Мой «Сазанами» стоял у соседнего пирса, а с Ноодзиро, его командиром, мы часто бывали друг у друга. В этом русском не повезло. Но если я все-таки ошибся, не беспокойтесь, всю ответственность я беру на себя.

Миноносцам: в атаку! Отсемафорьте на «Двадцатый»!

Йосокава-сан, отваливайте немедленно, нас могут вскоре подорвать. И постарайтесь их задержать, хоть немного! Да помогут нам всем боги...

– Но откуда они вообще здесь взялись, господин капитан-лейтенант?!

– Уже не важно... Хотя, полагаю, это часть русской «пропавшей» эскадры, той, что не дошла до Шанхая и была потом потеряна нашей разведкой. Мы знали, что их коммерческие крейсера пошаливают у тихоокеанского побережья, но чтобы еще и контрминоносцы...

Или они *все* здесь?..

– Командир, там, за пароходами, смотрите, еще один! Я пока не могу его опознать. Похож или на большой портовый буксир, или на...

Лейтенант Хига не успел договорить: на небольшом корабле, показавшемся из-за транспортов, борт окрасился двумя бледно-алыми вспылками, а чуть позднее до ушей японских офицеров долетел грохот первого пристрелочного полузалпа «Храброго». Вместе с воем двух прошедших прямо над головами снарядов, разорвавшихся в полосе прибой за их спинами. Инстинктивно втянув голову в плечи, молодой лейтенант украдкой бросил взгляд на своего командира.

Ямасита, казалось, даже не заметил пронесшейся над головой шестидюймовой смерти. Его редкие усики топорщились так, как это случалось с ним в нечастые и оттого особенно памятные моменты, которые ничего хорошего не предвещали нерадивым подчиненным. Превратившиеся в узкие щелочки глаза, чуть согнутые в коленях ноги, прямая спина и руки с биноклем... Да! Йозо Ямасита держал бинокль так, что будь на его месте катана, можно было бы подумать, что это средневековый воин, изготовившийся к броску...

Он и был самураем. В шестнадцатом колене. Именно так было прописано в фамильном свитке, хранящемся в комоде его каюты.

– Хига, – процедил сквозь зубы капитан-лейтенант, – семафор артиллеристам на гору и то же на телеграф: «В пролив Китан прорываются крупные силы врага: обнаружены семь истребителей, два вспомогательных крейсера, канонерская лодка. Предполагаю присутствие всей Второй тихоокеанской эскадры. Веду бой. Хэйко Тенно банзай!»

На баке: отдали цепи? Хорошо... Машинное: полный вперед! Право на борт! Идем в пролив. Истребители нам не задержать, а вот пустить мину по кому-нибудь покрупнее... Или хоть пошуметь, пока эти армейские олухи наверху соизволят проснуться!

Снова сдвоенный тугой грохот... Прямо под бортом вздыбили воду фонтаны от второй пары шестидюймовых снарядов с «Храброго». Взвизгнули осколки, а среди дробы мелких отчетливо слышались несколько гулких ударов ближе к корме...

Брандвахтенный пароход неторопливо двинулся вперед. За это время носовая пушка «Тада-Мару» успела выпустить три снаряда по головному дестроеру, уже проносящемуся сквозь входные створы пролива. Пока мимо. Было видно, как на его борту матросы деловито втаскивают на борт брезентовые полотнища с японскими иероглифами, а на мачту вместо флага с восходящим солнцем взлетает голубой Андреевский крест... – Смотрите-ка, лейтенант, вон еще идут, видите!

– Да, это большой корабль, только он, похоже, еще далеко, командир...

– Не такой уж и большой, и ближе, чем вы думаете, к сожалению. Это их броненосец береговой обороны. И в башнях у него по две десятидюймовки. Нам одного снаряда может хватить за глаза... Все-таки они пришли.

Удар! Дым... Падающие обломки... Вата в ушах... Нет, просто слегка оглох.

– Симатта! Черт! Эта гадская канонерка с третьего залпа вцепилась мне! Кисама сукубэ, удзаттэ! Ты, грязная хрычевка, иди в задницу! – прошипел Йозо, поднимаясь на ноги.

Первый попавший в пароход снаряд с «Храброго» взорвался, попав в кнехт на левом борту, почти напротив фок-мачты. На стыке бортовой обшивки и палубы теперь зияла огромная рваная дыра с загнутым вверх покореженным куском палубы в обрамлении торчащих перебитых бимсов. Из нее столбом валил плотный сизый дым, закрывая все, что происходило, в нос от исковерканного трюмного люка...

Общая картина разрушений от одного лишь снаряда впечатляла. Грузовая стрела улетела за борт.

Форс осколков посекал стенки и выбил окна ходовой рубки, порвал фалы и телеграфную антенну, однако ни Ямасита, ни Хига не пострадали, если не считать синяков и ушибов. Легко раненный осколками стекла, продолжал уверенно держать штурвал рулевой, сигнальщик наскоро перевязывал ему голову бинтом.

«Так, тут пока вполне терпимо. Но почему мы не стреляем?»

– Хига! Бегом на бак! Что там происходит? Почему они... А, ясно... Не увидел сперва за дымом. Лейтенант, возьмите пару матросов и к орудиям! Помогите раненому. Огонь по миноносцам. Смотрите сами, кто будет ближе.

– Есть, командир!

Расчет баковой пушки получил свою дозу осколков сполна. В результате из четырех человек только один еще подавал признаки жизни. Тело наводчика билось в агонии, третий артиллерист лежал бесформенной кучей чего-то... Четвертого же не было вообще. Видимо, смело за борт.

– На руле! Так держать! – прокричал в рубку капитан-лейтенант, сбегая с мостика.

«Так, телеграф... Что здесь?»

– Последнее донесение передать успели?

– Нет, господин капитан-лейтенант. Русские мешают искрой. Я и третью-то телеграмму успел без помех послать только наполовину.

– А именно?

– «Всем! Всем! Срочно. Боевая тревога!» После этого они меня сразу забили. А теперь больше нет возможности...

– Видел. Антенну пока не натянуть... Здесь – все. Вы – в распоряжение боцмана. Живо!

Ямасита заторопился к минерам, на юте разворачивающим минный аппарат на левый борт. «А все-таки здорово, что я послал их нытье и стоны ко всем чертям и всегда держал мину в аппарате! Да, парни бесились, ведь это ежедневный регламент, но зато сегодня нам не пришлось поднимать мину из...»

Удар!..

На этот раз капитан-лейтенант с трудом устоял на ногах, поскольку попавший в борт шестидюймовый «подарок» с «Храброго» пробил пароход насквозь в районе первого трюма и взорвался после этого. Правый борт принял в себя несколько десятков больших и мелких осколков. Опасаясь течи, командир отправил в трюм выскочившего прямо на него из жилого коридора боцмана Ариту с двумя матросами и телеграфистом, им предстояло постараться затушить все, что поджег русский снаряд: дальше в нос располагался снарядный погреб.

Подбегая к кормовому трапу спардека, Ямасита бросил взгляд в сторону противника, оценивая стремительно меняющуюся обстановку.

«Ага... У них на мосту не дурак стоит. Понял, что я хочу прикрыться его пароходами или вспомогательными крейсерами, и отвернул вправо. А эти тоже влево поползли, ясно – испугались миноносцев... Надеюсь, о том, что и у меня еще мины имеются, они не знают... Сейчас канонерка встанет ко мне бортом. Ко-но-яро! Вот сволочь! Уже почти повернула...»

– Право на борт! – проорал Йозо в сторону рубки, но его крик потонул в вое и грохоте: «Храбрый» перешел на беглый огонь и бил на поражение.

Удар!.. Еще удар!

Капитан-лейтенанта подбросило в воздух и немилосердно швырнуло с трапа вниз, прямо на лебедку грузовой стрелы грот-мачты...

* * *

Помня приказ Беклемишева о том, что раскрывать себя можно только после первых выстрелов японцев, Коломейцов облегченно вздохнул, увидев вспухшее на носу брандвахты облако дыма и всплеск от падения снаряда метрах в ста впереди и справа по курсу.

– Ну, наконец-то... Снять всю эту японскую писанину, к чертовой бабушке! Только не вздумайте бросить за борт, на винты поймаем. Наш флаг поднять! Самый полный вперед!

– Евгений Владимирович, а не открыть ли нам огонь по брандвахте этой?

– Нет, ни в коем случае. Это «Храброго» работа. Мы молчим как минимум до первого выстрела по нам батареей с берега. А от них нас еще неизвестно, видно или нет. Пока тихо...

– Это ненадолго. Смотрите: там, слева впереди на косе... Видите?

Коломейцов, перестав разглядывать выпустившую в их сторону очередной снаряд брандвахту, повел биноклем влево.

– Ага. Это и есть батареи крупновских девятисантиметровых... Народ бежит по орудиям... Начинают сдергивать чехлы. Но это все цветочки. Поближе взгляните, по траверзу: видите? Это пятидюймовые.

– И справа на Токушимае, похоже, тоже. Ну, и где же наши броненосцы? Видимость уже вполне позволяет... А, нет! Зря я... Смотрите, сейчас начнется кордебалет.

По левому борту стремительно втягивающейся в пролив Китан колонны русских истребителей, на невысокой каменистой косе острова Авадзи располагались три артбатареи района береговой обороны «Юра». Две с девятисантиметровками были еще относительно далеко, но ближайшая, на вооружении которой шесть французских пятидюймовок, для кораблей Коломейцова и Матусевича представляла сейчас наибольшую опасность.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.